

ЛитРес:

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

ЗОЛОТОЕ СИЯНИЕ ХОЛИНЧУ

Северная корона

Влада Ольховская

Золотое сияние Холинсу

«Влада Ольховская »

2021

Ольховская В.

Золотое сияние Холинсу / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2021 — (Северная корона)

Планета Глизе всегда считалась одной из лучших для колонизации. Она очень похожа на Землю, там стабильная атмосфера, есть вода, есть флора и фауна. Да еще и колониальный корабль, направленный туда, почти не пострадал при приземлении. Все должно было получиться – и не получилось. Поселения на Глизе как не было, так и нет, а тысячи людей попросту исчезли. Почему? Да потому что на Глизе есть собственная разумная жизнь, которая оказалась совсем не рада пришельцам.

© Ольховская В., 2021

© Влада Ольховская , 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Влада Ольховская

Золотое сияние Холинсу

Глава 1

Не так просто избегать кого-то, если вы заперты в одном корабле посреди космической пустоты. Но у Альды пока получалось.

Стратегия была сомнительной: она знала, что у нее не выйдет вечно избегать собственной команды. С ней на борту всего шесть человек, и двух из них она не может видеть! Это не дело. Кажется, капитан Лукия уже все заметила, но пока молчит. Да и понятно, почему: у них нет задания, значит, это свободное время, и каждый может вести себя так, как ему угодно. Но на миссии капитан подобного не потерпит, а значит, Альде предстояло преодолеть себя... каким-то образом. Она пока слабо представляла, каким.

Кто знал, что до этого дойдет? Еще недавно она радовалась, что смогла стать своей в экипаже «Северной короны»! Ей казалось, что это навсегда, этого уже никто не отменит. Львиная доля ее успеха была связана с Киганом: именно бортовой механик принял ее как равную и помог ей продержаться, пока остальные устраивали немую травлю. И теперь он был одним из двух людей, с которыми она не могла заговорить – разве не иронично?

По большому счету, она не имела права так реагировать на новость о его семье. Да, он женат, да, у него есть дочь. И что? Не мальчик уже, тридцать пять лет все-таки, логично предположить, что он до миссии «Исход» не в монастыре жил! Но сколько бы Альда ни пыталась настроиться на «правильные» мысли, обида все равно не уходила.

Она точно знала, что между ней и Киганом что-то было... или могло быть. Она ведь все-таки телепат, от нее такое не скроешь! Альда не обманывала себя, она знала, что он что-то чувствует. Если так, он обязан был рассказать ей правду прямо сейчас, пока она не слишком привязалась к нему! Альда понятия не имела, какотреагировала бы, но он обязан был!..

Теперь-то он рвался поговорить, все объяснить, но она не хотела. Узнавать подробности почему-то было страшно, и Альда выбрала самую сомнительную из стратегий: она в буквальном смысле уходила от разговора.

Вторым человеком, которого она сторонилась, был Триан. Он ее просто бесил! Именно он сообщил ей о семье Кигана, влез в их отношения, когда все было так хорошо! А зачем? Да по той же причине, которая всегда вела его вперед: ради собственного развлечения. Он, легионер, считал себя выше других, лучше, сильнее, и это будто бы давало ему право распоряжаться их судьбой. Альда подозревала, что должна ненавидеть его за это, однако настоящей ненависти не было. Она знала Триана лучше, чем остальные члены экипажа, и отвернуться от той связи, которая установилась между ними на предыдущей миссии, уже не могла.

Справедливости ради стоит отметить, что Триан и не рвался к беседам по душам. Это Киган еще на что-то надеялся и часами бродил по коридорам «Северной короны», стараясь пересечься с Альдой. Триан же вел себя как обычно, будто и не замечал новой враждебности со стороны телепатки.

Так что все вдруг стало очень сложным. Альда понятия не имела, как будет выполнять новую миссию с этими двумя. Но, к ее удивлению, очередной вызов от командования оказался вовсе не направлением на другую планету.

– Нас вызывают на станцию для обследования, – сообщила капитан Лукия.

Ее, похоже, это нисколько не волновало, она готова была делать все, что им поручает начальство. А вот остальные удивленно переглянулись.

– Какого еще обследования, капитан? – спросила Ноэль. – Мы все проходили его перед направлением на «Исход», мы выполнили только две миссии, еще слишком рано! По нормам обследование проводится после пяти миссий, а иногда – после десяти, это же напрасная трата времени и ресурсов!

Корабельный медик была права, она знала все протоколы. Да и Лукия, вероятнее всего, заметила, что вызов поступил не ко времени. Но ей не полагалось обсуждать такое с командой, для всех солдат специального корпуса воля руководства была законом.

– Мы делаем то, что должны. Путешествие не займет много времени, мы недалеко от станции.

Им и правда не пришлось серьезно менять курс или прыгать через пространство. Они были в хорошо исследованной части космоса, здесь у военного флота хватало станций. Одна из них, небольшая, зато новая, и приняла «Северную корону».

Альда с самого начала ждала подвоха. Да, с официальной точки зрения их миссия была успешной, капитану даже вынесли благодарность. Но, во-первых, тогда от руководства скрыли многие неприятные подробности. А во-вторых, первую миссию никто бы удачной не назвал. Может, большие боссы космического флота обнаружили, что Лукия изменяет отчеты? Может, «Северной короне» перестали доверять?

Но даже если так, этого пока не выдавали. Медицинское обследование шло строго по правилам, врачи были вежливыми и даже дружелюбными, они, в отличие от многих своих коллег, не боялись генетически измененных людей и не позволяли себе лишнего слова. Правда, Альде все равно не нравилось снова проходить проверку – после того, как она уже прошла ее в последний год обучения! Однако это можно было перетерпеть.

Она не рисковала проверять мысли персонала станции. Альда не знала, есть ли здесь другие телепаты. Возможно, в этом истинная проверка: определить, выполняет ли она приказы! Поэтому она сдерживалась, покорно выполняя все, что ей велели. Все тесты показывали, что она здорова – но она и так это знала.

Она почти смирилась со странным направлением, почти поверила, что подвоха не будет вообще, а это обследование – очередная нелепая прихоть флота. Вот только после всех обследований, когда ее должны были отпустить, Альда неожиданно оказалась в маленькой светлой комнате.

Это был рабочий кабинет, лишенный окон – как и многие помещения на космической станции. Одному человеку здесь было более-менее комфортно, двум – уже тесно, трем – невозможно находиться. Но к Альде никто не спешил присоединяться, она осталась одна перед рабочим столом, в который был встроен компьютер.

Ей не пришлось спрашивать, что это значит: на экране уже отображались нужные инструкции. Ей полагалось заполнить небольшую анкету – анонимно, естественно, – и только потом идти на «Северную корону».

Беглого взгляда на анкету хватило, чтобы понять: это и есть подвох. Истинная цель их прибытия на станцию, а вовсе не ненужное медицинское обследование. Анкета была посвящена не самой Альде, а другим членам экипажа. Телепатке предстояло оценить их работу, указать их сильные и слабые стороны, предположить, нужно ли оставлять этих солдат на миссии «Исход».

По большому счету, это был доклад, даже если его красиво называли анкетой. Альда не сомневалась, что всем остальным тоже предстоит заполнить нечто подобное. А это шанс поссорить их между собой – или, быть может, выявить нарушения, которые остались скрыты между строк отчета Лукии Деон. Но зачем? Это стандартная процедура – или экипаж «Северной короны» почему-то впал в немилость?

О причинах Альда догадаться не могла, зато понимала, насколько это серьезно. Что будет с членом экипажа, если он получит низшие оценки? Оставят ли его на корабле? А на флоте?

Очернить можно кого угодно! Альде хватило двух миссий, чтобы определить недостатки всех своих спутников.

Лукия Деон, безусловно, была хороша. Да и не стоило ожидать меньшего от семнадцатого номера среди капитанов! Но она все равно допускала ошибки – и стратегические, и, самое главное, эмоциональные. Лукия могла скрыть это от других, но Альда уже уловила, что капитан привязалась к своей команде. Ради них Лукия могла бы нарушить правила – и уже нарушала. Если в руководстве флота узнают, ей несдобровать! Речь идет не только об увольнении, капитана, проявившего такую слабость, вполне могли ликвидировать.

Рале Лиам Майрон, негласный заместитель капитана и штатный телекинетик, тоже не без греха. Он умен и открыто не подставляется, обвинить его не в чем. Но иногда доказательства и не нужны: если Альда просто укажет руководству, что у Рале во всем есть собственный интерес, этого будет достаточно. Возможно, телекинетика не убьют сразу, однако его репутация уже не будет прежней. Есть грязь, от которой не отмоешься!

С Ноэль Толедо и вовсе все понятно. Она неплохой хилер – но она труслива, как маленький ребенок. Она совершенно не умеет держать удар, и иногда команде приходится отвлекаться от основной миссии, чтобы защитить или даже утешить Ноэль. К тому же, она постоянно ноет, а это тоже не способствует боевому духу.

Стерлинг Витте, киборг, наверняка гордится собой, его анкета не смутит. Уж он-то всегда безукоризненно выполняет правила! Но, как и все, кто легко замечает соринку в чужом глазу, бревна в собственном он не видит. Стерлинг, с его девянато девятым номером в иерархии киборгов, был слишком слаб для миссии «Исход». Да он едва прошел отбор! Но Альда подозревала, что его истинные способности даже ниже присвоенного ему номера. Так что он сколько угодно может быть канцелярской крысой, лучшим воином это его не сделает.

Ну и, конечно, оставались Киган и Триан. Два человека, от которых она бегала по «Северной короне», две ее личные проблемы.

С Киганом все понятно: ему и двух миссий хватило, чтобы нарушить все мыслимые и немыслимые правила. Альде достаточно было описать десятую долю того, что он сделал, чтобы электрокинетик полетел с «Северной короны» со скоростью кометы. Но ведь именно благодаря этому – своему непокорному характеру, своей внутренней свободе, – он и сумел стать для Альды первым другом. Если бы он не поддержал ее, справилась бы она? Вряд ли! Получается, она ответит ему черной неблагодарностью? Отомстит за то, что ее не касается? От одной мысли об этом ей становилось жутко. Один раз решившись на подлость, уже не очистишься!

Триан как раз не был откровенным нарушителем – хотя бы потому, что для Легиона существовали собственные правила, о которых знал только Легион. Очень удобно! Но у полужения Триана была другая слабость: он считался существом повышенной опасности. Живое оружие, даже если никто не признает этого открыто. Альде полагалось наблюдать за ним, следить, чтобы он не стал опасным для других солдат. Она ведь может прямо сейчас написать, что он опасен... Не важно, правда это или нет. Это ее личное суждение!

Вот только это не меньшая подлость, чем попытка подставить Кигана. Альда очень мало знала о легионере, но при этом знала больше, чем остальные. Она не могла избавиться от чувства, что в глубине души он *хороший* человек. Не важно, кем он пытается предстать, что говорит, как ведет себя с остальными. Он верен «Северной короне», он хочет ее защитить, и это куда важнее, чем личные проблемы Альды.

Поэтому она просто сидела перед компьютером, не касаясь его, и не могла написать ни слова.

* * *

Приближалось что-то важное, Рива чувствовала это. Конечно, ей не говорили, что именно. Она была младшей в семье, и считалось, что она слишком мала для секретов. Она не спорила, потому что толком не умела спорить. Зато она умела наблюдать.

Она видела, что в последнее время родители стали куда более тревожными, чем раньше. Они не спали допоздна, разговаривали о чем-то очень тихо, между собой, чтобы их точно не подслушали дочери. Но Рива никак не могла сообразить, хорошее событие к ним приближается или плохое. Мама и папа казались одновременно радостными и испуганными. Как будто то, чего они ожидали, могло стать лучшим событием в их жизни, – но оно же могло все уничтожить. Рива, как ни старалась, не сумела понять, в чем смысл. Ты или радуешься, или грустишь, все, нельзя делать это одновременно!

Ей хотелось поддержать родителей, и она делала это как умела. Она ластилась к ним, обнимала при каждом удобном случае, а они обнимали ее в ответ. Но даже это стало странным! Мама прижимала ее к себе и подолгу не отпускала, словно боялась, что следующего раза уже не будет. Эта мысль смешила Риву: куда же она денется? Она всегда будет принадлежать маме и папе, иначе ведь не бывает!

Ей и в голову не приходило, что это может закончиться. Рива толком не понимала, что значит «конец». Ее жизнь была недолгой и спокойной, поэтому любую тревогу она улавливала скорее подсознательно.

В вечер, когда все закончилось, она не была к этому готова. Она сидела за столом вместе с папой и ужинала, пока мама тревожно ходила туда-сюда возле окна. Рива знала, почему: Юста не вернулась домой вовремя. Ну и что? Как будто первый раз! Ее сестра то и дело забывала о времени, ей достанется, когда она вернется, а потом она повторит это в другой день. Но мама зачем-то решила отнестись ко всему очень серьезно... Кажется, у нее даже слезы на глазах блеснули, когда она посмотрела в окно!

– Тебе не кажется, что мы совершили ошибку? – тихо спросила она.

– Теперь уже поздно что-то менять, – мрачно отозвался папа, не глядя на нее.

Они и правда расстроены... Какие эти взрослые все-таки суетливые!

В дверь постучали – резко, громко, так неожиданно, что Рива даже подпрыгнула на лавке. Юста так никогда не стучала! Она, зная, что допустила ошибку, тихонько скреблась в дверь, ожидая, когда ее впустят и простят.

Но этот стук был настоящим грохотом. Рива знала, что бояться не нужно – никогда, это ведь совсем маленькие дети боятся, а она уже не очень-то маленькая! Но она все равно почувствовала, как в груди что-то тревожно заныло, и ей захотелось сжаться, спрятаться, стать маленьким комочком, на который никто не обратит внимания. Она понятия не имела, что происходит, однако ее инстинкты, с которыми Рива была едва знакома, уже били тревогу.

Ее родители понимали куда больше. Они поспешно переглянулись, и в их взглядах Рива уловила незнакомое, отчаянное знание о том, что грядет.

Отец встал и медленно направился к двери. Это было правильно – именно он всегда открывал, когда раздавался стук. Но Риве почему-то вдруг захотелось помешать ему. Броситься туда, обнять его, стать на пути, сделать что угодно, чтобы дверь осталась закрытой! Пусть ее накажут, она готова была все вынести, лишь бы их жизнь осталась неизменной...

Но она так и не решилась вмешаться. Отец открыл дверь – и стало слишком поздно. Рива на всю жизнь запомнила этот короткий, такой безвредный на первый взгляд миг: дверь распахивается, и в их скромный домик льется желтый свет...

Потом свет померк, потому что его закрыли собой люди в темных доспехах, солдаты из городской стражи. Рива видела их на улицах, они постоянно там были – и всегда пугали ее.

Поэтому она старалась даже близко к ним не подходить и уж точно не смотреть в глаза. Она не была готова к тому, что однажды эти солдаты ворвутся в ее дом!

Тихий семейный вечер вмиг был поглощен хаосом, который не снился даже великой пустоши. Солдаты не просто ворвались в дом, они набросились на маму и папу! Рива не раз видела, как они бьют людей на городских улицах. Но ее родителей они не били, они просто скрутили им руки и повели куда-то из дома. Солдаты что-то говорили, однако Рива не могла различить ни слова, потому что она и сама уже кричала и плакала. Она могла сколько угодно считать себя взрослой, сейчас это не помогало. Когда в ее жизнь ворвалось первое большое горе, Рива не смогла ему противостоять, ее худенькое тельце сотрясало от ужаса, ее душили рыдания. Но даже так она готова была броситься на солдат, принимая то, что ее избьют. Что угодно, лишь бы не отдать им маму и папу!

Ей не позволили даже попробовать. В дом вбежала женщина из соседней хижины, и солдаты впустили ее. Она была напугана, она и сама плакала, но она сразу же направилась к Риве. Кажется, для этого солдаты и позвали ее... Рива попыталась вырваться из ее рук, однако соседка держала крепко, защищая ее от мира своим телом – и позволяя городским стражам выполнить свою работу до конца. Рива не могла освободиться, не могла ничем помочь, ей только и оставалось, что смотреть.

Вот тогда она и увидела самую страшную, самую необъяснимую деталь. В этот вечер все было ужасным – ломающим будущее Ривы и ее родителей, как раскаленный ветер пустоши ломает дорогу. Но худший удар скрывался не в появлении солдат, не в их грубости, не в злобных криках и слезах матери. Нет, он был в стороне, он ждал своего часа...

Худшим ударом была Юста. Ее старшая сестра стояла на улице, неподалеку от дома, и спокойно наблюдала за происходящим. Не похоже, что она только что вернулась с прогулки: солдаты никого не подпускали к дому, толпа собиралась за их спинами. Но Юсту пропустили, и она невозмутимо смотрела, как уводят ее родителей. Она не пыталась вмешаться, она... она будто знала, что такое случится. Будто ждала этого!

Рива не хотела верить себе. Она привыкла всему давать объяснение, но тут объяснения просто не было! В ее маленьком добром мире пока еще не было такого понятия, как предательство...

Позже, намного позже, когда все это завершилось, Рива узнала правду. Она тогда слушала объяснения других людей и не хотела верить, а не верить не могла. Этот день навсегда рассек ее память, остался в ней, не как шрам даже – как незаживающая рана. И ее воспоминания подтверждали все, что ей позже рассказали о старшей сестре.

Юста не была удивлена появлением городской стражи и ее действиями по одной простой причине: она и привела солдат в дом своих родителей. Она, в отличие от Ривы, знала, к чему готовились мама и папа, почему они так волновались в последние дни. Юста была достаточно взрослой, чтобы понять это – и сообразить, что о таком нужно молчать. Но она не молчала. Она пошла и рассказала тем, кто никогда не должен был услышать. Рассказала, зная, чем все закончится! Поэтому она смотрела, и ее глаза были холодными, как камни на дне озера.

Когда солдаты увели родителей, ушла и Юста. Так было нужно: толпа рычала на нее, как обозленный зверь. Но Юсте было все равно, свой выбор она сделала. В опустевшем доме осталась только маленькая рыдающая Рива, еще не до конца осознавшая, что будет дальше.

Она бы не пережила эту ночь, если бы не соседка. Взрослая женщина понимала куда больше, чем она, хотя и не рисковала дать объяснение. Она только повторяла:

– Ничего, ничего, не плачь, маленькая... Скоро все закончится!

Но от этого Рива плакала еще больше, потому что чувствовала: ей не понравится, как именно «все закончится».

Соседка увела ее к себе и уложила спать. Спать Риве совсем не хотелось – а хотелось бежать туда, куда увели маму и папу, вмешаться, сказать, что Юста все наврала, ничего она не

знает, а родители – хорошие, с ними нельзя так обращаться! Но она уже была слишком измотана слезами и страхом, слишком мала, у нее не хватило сил даже подняться с постели. Она беспомощно плакала, забившись в угол, пока ее не утешил сон, больше похожий на забытье.

Проснувшись Рива разбитой и слабой, однако не позволила себе остаться в постели. Она сразу уловила: что-то происходит. Люди на улицах двигались в одном направлении, шептались о чем-то, все выглядели потерянными и испуганными. Что-то приближалось...

Она попыталась узнать у соседки, что именно, но та изобразила непонимание. Она повторяла, что все будет хорошо, но это было очень глупо. Хорошо уже не может быть! И улыбка ее была страшной, совсем не похожей на настоящую улыбку. Соседка несла какую-то ерунду и все силы направила на то, чтобы не выпустить Риву из дома. Кажется, она очень не хотела, чтобы Рива что-то увидела... вот только что?

Рива и не надеялась получить у нее ответы, она решила обмануть свою спасительницу. Она притворилась, что снова поддалась усталости и заснула, и соседка облегченно вздохнула. Она только этого и ждала! Соседка не умела врать, и это испытание давалось ей очень тяжело. Но вместе с остальными людьми она все равно не пошла, осталась дома.

Зато Рива не медлила. Убедившись, что за ней перестали наблюдать, она сразу же направилась к окну. Окна в доме были круглыми и маленькими, как и во всех остальных человеческих хижинах. Взрослый бы в них не пролез, но тут юность Ривы оказалась ей на пользу, она сумела без особого труда выскользнуть наружу.

Она никогда еще не видела на улицах такой толпы! Она знала, что холини не нравится, когда так много людей собираются вместе. Но в этот раз хозяева города не пытались вмешаться, а таруа и вовсе затерялись где-то в темных переулках. Только городская стража молча наблюдала за происходящим, но не вмешивалась. Людям позволяли что-то, и вряд ли просто так. Людей здесь никогда не любили!

Риве несложно было затеряться в толпе. Ее худенькое тельце мгновенно скрылось в живом потоке, и даже солдаты, стоящие на крышах, не смогли бы разглядеть ее. Она видела, что все люди стремятся сейчас к озеру, и тоже бежала туда. Никто не говорил, что ее родители там, но... как же иначе? Если весь город там, то и они должны быть! Хотя Рива понятия не имела, почему, ведь в такое время лучше не приближаться к озеру, все это знают.

Она не ошиблась, ее родителей привели именно туда. Все внимание было сосредоточено на них! Они стояли рядом, бледные, в одинаковых светлых рубахах, которых раньше не носили. Мама и папа держались за руки и старались делать вид, что им не страшно, но Рива знала их слишком хорошо, чтобы поддаться на этот обман. Она замерла среди толпы, не зная, что делать дальше. Ей хотелось подойти к родителям, но что-то подсказывало ей: они не обрадуются.

Они не просто стояли у воды, их заставили стать на небольшой плот, покачивавшийся на волнах озера. Рива знала, что обычно холини используют такие плоты, чтобы предавать своих мертвых воде. Но кто же будет ставить на плот живых? Что они вообще затеяли? На нем нельзя плавать по озеру, особенно сейчас! Пока он у берега, это, наверно, не так страшно. Но если он окажется над глубиной, он мгновенно привлечет внимание, даже маленькая Рива это понимала.

Пораженная открывшимся перед ней зрелищем, она не сразу поняла, что кто-то говорит. Человек, которого она не знала, стоял на наблюдательной платформе рядом с сеншеном и что-то объяснял толпе. У Ривы не было сил прислушиваться к нему, ей казалось, что ее сердце бьется так громко, что заглушает все вокруг.

Но отдельные слова она все же различала – и ей не нравились эти слова. «Предатели», «мятеж», «заговор»... Рива понимала значение лишь половины из них, но у остальных было непередаваемо зловещее звучание. Похоже, этот мерзкий дядька, которого она видела впервые, называл ее родителей предателями, которые хотели разрушить город! Но это же так глупо...

Ее мама и папа совсем не страшные и не злые! Почему никто не возразит ему, не объяснит правду? Все в городе знают и уважают их!

А главное, почему не возражает Юста? Рива увидела сестру не сразу, но, отыскав взглядом, уже не могла отвернуться.

Юста тоже стояла рядом с сеншеном и остальными холини, наблюдавшими за этим непонятным собранием. Она, такая маленькая и худенькая, легко терялась на фоне их величественных фигур. Но саму Юсту это нисколько не волновало, она держалась с таким достоинством, будто всю жизнь провела среди хозяев города. Рива восхитилась бы ею, если бы не догадывалась, какой ценой ее сестра добилась такого положения.

Впрочем, девочка на наблюдательной платформе уже не очень-то напоминала ее сестру. Юсту отмыли, ее кожа впервые обрела нежный золотистый оттенок – такой же, пожалуй, была кожа Ривы под слоями грязи и пыли. Светлые волосы девочки расчесали и заплели в сложную прическу, ей дали белое платье, расшитое желтыми цветами. Она не была той Юстой, к которой привыкла Рива, и совсем не походила на дочь двух несчастных, страдающих людей, загнанных на плот.

Тогда Рива и поняла, что у нее больше нет сестры. Родители пока есть, а сестры – нет. Что-то добралось до той веселой Юсты, которую она любила и которой полностью доверяла. Это что-то сожрало ее сестру, оставив вместо нее нечто похожее, очень красивое, но не настоящее. От этого Риве было больно, и ей хотелось прижаться к родителям, чтобы они все исправили и вернули настоящую Юсту!

Может, они хотели бы этого, но им не дали и шанса. Торжественные речи были закончены, и сеншен что-то сказал, но его голос утонул в гуле толпы. Ему было все равно, слышат его или нет. Он небрежно махнул городской страже, и солдаты перерубили веревки, удерживавшие плот у берега, да еще и подтолкнули его, заставляя плыть к середине озера.

Так не должно было случиться! Даже маленькая Рива знала, *что* скрывается в темных водах. Они потревожат это, привлекут – и будут наказаны! Позабыв обо всех страхах, она рванулась вперед, движимая только одной целью: спасти любой ценой!

Однако она не успела даже покинуть толпу, чьи-то сильные руки перехватили ее и удержали на месте. Рива, возмущенная и испуганная, попыталась вырваться, но куда там! Даже взрослый человек не сравнится бы по силе с таруа.

Рива всегда боялась их, как и все дети. Таруа казались ей жуткими чудовищами, к которым лучше не подходить, гадкими и вечно голодными. Она слышала достаточно историй о том, как люди, которых видели рядом с таруа, исчезали без следа, а потом находили разве что их обглоданные кости! Ей казалось, что, если одно из этих существ коснется ее, она в тот же миг умрет от ужаса!

Но вот таруа коснулся ее – а она не умерла.

– Ты – их дитя, я знаю, – прошипел он. – Я видел вас вместе!

– Пусти меня! – Рива снова попыталась вырваться. Гнев и отчаяние в ее душе были так сильны, что заглушали даже страх перед таруа. – Я должна быть с ними!

– Нет, не должна. Сдается мне, для них это последнее счастье – что ты не с ними.

– Отпусти!

Она говорила с ним, но смотрела только на озеро. Плот уже раскачивался, и ее родителям становилось все сложнее удерживаться на нем. А ведь волны были совсем слабыми! Но все, что собрался вокруг озера, знали, что плот раскачивается не по воле волн.

Ее родители были испуганы, они жались друг к другу – но не поддавались панике. Если бы Рива была там, она бы, наверно, металась, рыдала, умоляла пощадить ее... Так ей казалось. Но, глядя на них, она чувствовала, что хотела бы уподобиться им в своей смелости и решительности.

Все знали, чем это закончится. Все знали, что это произойдет очень скоро. Но даже в последние мгновения ее отец сумел крикнуть:

– Татенен все равно будет найден, это не изменится, его время придет!

Татенен? Все ради него, ради старой легенды? Возможно, это было безумие, вызванное страхом... А может, истинная причина всего, которую Рива так отчаянно искала.

Ее отец обращался ко всем, кто собрался вокруг озера, но Риве вдруг показалось, что его слова – не для них. Они – для нее и только для нее, его последняя воля, послание, которое должно было подсказать ей, как быть. Ее родители понимали, как это страшно: вдруг лишиться всего, не зная даже, почему. И они, как могли, старались оставить ей хотя бы это «почему», которое объясняло не так уж много...

Но больше отец ничего сказать не успел. Плот перевернулся, и в этот момент таруа, сдерживавший Риву, закрыл ей лицо рукой. Она возмущенно закрутила головой, пытаясь сбросить с себя его лапу, да все напрасно, разница в силе была слишком велика. Его широкая ладонь одновременно закрывала ей глаза и рот, не давая издать ни звука, не давая увидеть, что происходит в воде.

Она могла только слышать – и даже этого оказалось слишком много. Плеск волн стал отчаянным, громким, потом к нему добавился высокий хрип, который не мог издавать человек, – и вполне человеческие крики. Ее родители, только что такие смелые даже перед лицом хозяев города, кричали дико, отчаянно, словно и забыли, что их дочери могут быть рядом. До этого момента неведомая цель, как-то связанная с Татененом, еще позволяла им переносить это испытание с должной гордостью.

Но сейчас с ними происходило нечто такое, что они не могли выдержать, никто бы не смог... И Рива уже не вырывалась из рук таруа. Напротив, она замерла без движения, чувствуя, как на глаза возвращаются горячие слезы. Все закончилось... Ее прекрасная, мирная жизнь, полная любви и заботы, закончилась. Когда над озером стихнут крики, она останется совсем одна, никому не нужная и потерянная.

Рива не знала, как будет жить дальше. Она даже не была уверена, что хочет этого.

* * *

Лукия Деон ни на миг не допускала, что это действительно была стандартная медицинская проверка. Она работала на флот много лет, она умела правильно понимать то, что скрывалось между строк официальных документов.

Их притащили на станцию с одной целью, только и всего: они хотели оценить, насколько гармонично в их команду вписался Триан. Работа с легионером – это всегда риск. Он один ценится выше, чем вся команда, но это не значит, что космический флот готов разбрасываться другими солдатами. С первого шага на станцию Лукия терпеливо ожидала, когда же прекратится притворство, когда проявится истинная цель их прибытия. А потом ей показали эту анкету – и все стало на свои места.

Если бы команда оценила Триана низко, его бы не стали наказывать, номер семь слишком важен для Легиона. Но его бы перевели на другой корабль, а к ним приставили бы другого легионера.

Лукия, к собственному удивлению, обнаружила, что не хочет этого. Капитану вообще не полагалось ничего хотеть, ее задача – безразлично выполнять любой приказ. Но Лукия решила, что обманывать саму себя – это куда хуже, чем принять истинное положение вещей. Да, она способна желать и чувствовать. Да, это очень плохо. Но если это нельзя отменить, нужно как-то справляться с ситуацией. Лукия решила никому ничего не говорить и принять, пусть и временно, эту сторону себя.

Что же до ее нежелания расставаться с Трианом, то тут все просто, она вполне могла объяснить свою симпатию к нему. Лично ей он нравился не больше и не меньше, чем любой другой легионер. Но Лукия уже убедилась, что он готов на все, чтобы защитить экипаж «Северной короны». Лучшей рекомендации ей и не нужно! На прошлом задании он довел себя до предела, он чуть не погиб – а готов был и погибнуть, если бы это защитило других, хотя по правилам флота жизнь легионера ценилась куда выше, чем жизни горстки солдат.

Позже он помог Лукии защитить Альду. Он пошел ради этого на нарушение, но ему было плевать, и это роднило его с капитаном. Вряд ли другой легионер будет так себя вести... Поэтому Лукия хотела, чтобы он остался. Увы, зависело это не только от нее. В этой анкете она дала Триану лучшую рекомендацию, на какую только была способна. Однако Лукия не могла повлиять на остальных членов экипажа, которые относились к нему куда прохладней, она даже не имела права спрашивать, что они написали. Ей оставалось только ждать.

Они провели на станции еще один день – якобы это было нужно для того, чтобы проверить корабль. Всюду формальности – и ложь... Лукия прекрасно знала, что руководство сейчас работает с результатами тех анкет. Если кого-то в экипаже решат заменить, это произойдет здесь и сейчас, нет смысла тянуть. Поэтому, когда начальник станции принес ей лицензии для ее команды, Лукии было беспокойно, хотя она сумела скрыть это.

Но тем больше было ее облегчение, когда она увидела в списке допущенных к полету все имена. Все до единого, даже Триана! Ей удалось сохранить свою команду!

На борт Лукия возвращалась с чувством непреодолимой радости. Ей казалось, что об этом знает только она, никто больше ничего не поймет. Однако Триан, уловив момент, шепнул ей на ухо:

– Осторожней, капитан. Еще чуть-чуть, и вы вызовете подозрения.

Пожалуй, ей не следовало удивляться такой наблюдательности с его стороны. Триан тоже был телепатом, хотя и не таким хорошим, как Альда. Зато он был старше ее, а опыт порой значит больше, чем уровень способностей.

И снова Триан остался на ее стороне. Если бы он упрекнул ее открыто, на станции бы это заметили. Но он вел себя так, будто ему просто потребовалось сообщить что-то капитану перед вылетом.

– Вам не следует волноваться, – добавил он. – Вы были вне подозрения с самого начала. Собственно, весь этот балаган был затеян ради возможности снять с меня шкуру. Но, как видите, не сложилось.

– Зачем вообще все это? Вы чем-то вызвали их подозрения?

– Ни в косяк мере, я по-прежнему на хорошем счету. Но легионера всегда оценивают после первого совместного задания с командой, это стандартная процедура. Кстати, результаты опроса мне известны, я-то знал, зачем мы сюда летим.

– Я рада, что команда вас высоко оценила.

– Шутите? – усмехнулся Триан. – Да я по нулям набрал почти ото всех! Может, не совсем по нулям, но дно было рядом.

Вот теперь он сумел ее смутить.

– Вы получили низкие баллы – и все равно остались на хорошем счету?

– Да потому что боссы знают: легионеров не любит никто. И не зря, работа у нас такая – делать все, чтобы даже свои не расслаблялись. Дело не в этом. На мнение большинства членов экипажа нашему руководству плевать с наблюдательной вышки, их спросили просто для того, чтобы они чувствовали себя значимыми. Для того, чтобы дать оценку моей работе, по-настоящему важно мнение всего двух человек.

– Кого же?

– Вас и Альды Мазарин. Капитана должен устраивать легионер. Не важно, у кого какой номер и какие способности. Вы остаетесь главой «Северной короны», и я должен вам подчиняться – и я буду. Хорошо, что вы понимаете это.

Кто-то другой воспринял бы его слова как вызов или насмешку, но Лукия лишь благодарно кивнула. Они оба прекрасно знали, что Триан намного сильнее ее, и его подчинение – это просто проявление доброй воли.

– Хорошо, но почему именно Мазарин? – поинтересовалась Лукия. – Она – младший член экипажа, только окончивший академию.

– Несколько наивный подход, не ожидал от вас такого. С момента, как Альда перестала быть кадетом, не важно, сколько ей лет. Она – такой же солдат, как и остальные, а еще – штатный телепат. Именно она должна первой определять, у кого в башке шестеренки больше не вертятся, кто может превратиться в угрозу для остальных. Мои шестеренки ее, видимо, устраивают, она была одной из немногих, кто дал мне высокую оценку. Так что я остаюсь.

Он сказал это как-то странно, как будто в его словах был иной смысл... Как будто ему хотелось остаться! Но Лукия решила, что она дает волю фантазии.

У Триана не было причин радоваться тому, что он все еще на «Северной короне», да и с Мазарин он не слишком ладит. Пока шло задание, они отлично работали, но на корабле начали сторониться друг друга, и это не укрылось от Лукии. Да и Киган Рэйборн ведет себя странно. Хотя с ним как раз все понятно: создание проблем на ровном месте – более естественное состояние для Рэйборна, чем адекватное поведение.

Поэтому Лукии хотелось, чтобы им как можно скорее выдали задание. Да, это будет опасно – это всегда опасно. Но с таким пристальным вниманием к их команде бездействие может оказаться еще опасней. Лукии нужно было показать, как много они могут, да и многие конфликты будут сглажены общей работой.

Так что на следующий день, когда ей пришло сообщение о новой миссии, она даже обрадовалась. Но ненадолго, ровно до того момента, когда увидела, куда их отправляют. Прочитав задание, Лукия незамедлительно связалась с куратором «Северной короны».

– Я думаю, что произошла какая-то ошибка, – спокойно сказала она. Никто среди руководства не должен был знать, что она способна на эмоции, и ее обращение должно было показаться им результатом анализа всех вариантов. – Название планеты указано неправильно.

– Глизе 832с. Разве не это название значится в документах?

– Именно это. Иначе я не считала бы его ошибочным.

Еще перед первым заданием в рамках проекта «Исход» Лукия изучила все предоставленные документы. Там был и список планет с общими сведениями о них – совсем немаленький список. Кто-то другой и читать бы его не стал, считая, что все равно ничего не получится запомнить. Но память капитанов никогда не подводила, и Лукия не давала себе никаких поблажек.

Вот и теперь, увидев название планеты, она мгновенно вспомнила предостережение, стоявшее рядом с ним.

– Чему вы там удивляетесь? – нахмурился куратор. Он, в отличие от Лукии, не считал должным прятать свои эмоции, хотя ему это как раз не помешало бы. – Глизе – очень близкая планета. Вы безропотно мотались в чертову даль, а теперь не хотите покружить относительно недалеко от Земли?

– Мы с вами мыслим разными категориями, – сдержанно пояснила Лукия. – Для меня не важно, где находится планета.

– Что ж вам тогда важно?

– Когда нас присоединили к общей миссии «Исход», планета Глизе 832с была заблокирована, а ее посещение – строжайше запрещено. Это было относительно недавно, если применять земное летоисчисление, и года не прошло. Что изменилось?

– Блок снят, об этом можете не волноваться!

– И все же я позволю себе некоторую настороженность и попрошу пояснений.

Все планеты, к которым когда-то отсылали колонистов, были опасны. Все сведения, которые были у космического флота, оказались условными, люди летели в никуда, подгоняемые лишь обманом.

И если планету Глизе заблокировали даже на этом фоне, с ней должна быть связана совсем уж темная история.

Вот только куратор, словно не понимая этого, продолжал выпендриваться:

– Вам дали всю информацию, которая вас касается, больше ничего не нужно!

– Я так не считаю, и если вы не готовы предоставить мне сведения, я обращусь к кому-нибудь другому.

Угроза подействовала: Лукия была не просто капитаном, а семнадцатым номером, это давало ей определенные преимущества. Куратор недовольно поджал губы, но все же удосужился пояснить:

– В отношении планеты был введен протокол 113.

Лукия прекрасно знала, что это означает – и ей лишь чудом удалось не выдать шок.

– Подозрение на развитые и разумные формы жизни?

– Оно самое, – кивнул куратор. – Все планеты, вовлеченные в «Исход», были признаны хотя бы условно обитаемыми. Но некоторые, такие, как Глизе, еще и сочли подходящими для разумной жизни. Их временно исключили из проекта, или, если угодно, заблокировали. Никто не должен был соваться туда, пока мы не определим, есть там разумная жизнь или нет.

Ситуация начинала проясняться. Разумная жизнь была большой редкостью – и большой ценностью. Никто во флоте не хотел рисковать, сразу же посылая туда разведывательную миссию, сначала новые данные пытались получить осторожно, через спутники и дроны. В случае с Глизе это было проще, потому что к планете можно было отправить сложное оборудование.

– Но теперь блок сняли, – задумчиво произнесла Лукия. – Значит, проверка показала, что разумной жизни там все-таки нет?

– Блок сняли, потому что проверка сняла неопределенность, предполагаемую протоколом 113, и показала: разумная жизнь, не являющаяся людьми, на Глизе точно есть. И теперь вашей команде предстоит изучить ее, капитан.

Глава 2

Он стоял прямо за дверью, и избежать этого разговора было невозможно. Конечно, она могла бы вылезти через вентиляцию... Но это же бред, правда? Нельзя бегать от него вечно, нравится ей это или нет, а побеседовать придется. Поэтому Альда, тяжело вздохнув, открыла дверь.

Было немного странно видеть Кигана, обычно жизнерадостного и беззаботного настолько, что это раздражало половину команды, таким мрачным. Осторожно проверив его эмоции, Альда убедилась, что он не зол на нее, он просто расстроен. А читать его мысли она не стала: она ведь пообещала не делать этого без крайней необходимости. Ее переживания такой необходимостью считаться не должны.

– Через полчаса у нас общее собрание, – напомнила она, пуская Кигана в свою комнату.

– Полчаса хватит. Черт, да после того, как ты от меня по стенам убегаешь, я за десять минут наедине с тобой благодарен буду!

– Не ругайся, пожалуйста.

– Попытаюсь сдержаться, – криво усмехнулся Киган. – Но ты ведь понимаешь, что у него все получилось? Он сделал, что хотел, а ты подыграла ему!

– Кому? – смутилась Альда.

– Чудовищу, естественно! Ты отреагировала именно так, как он хотел. Неужели ты не понимаешь, что для него это просто забава? Он сам не способен ни с кем нормально общаться – и другим мешает!

Они с Трианом никогда не ладили, а после того, как легионер выдал тайну Кигана, и вовсе были на ножах. Альда не сомневалась, что уж от бортового механика Триан получил самую низкую оценку в той анкете!

Она и правда не знала, зачем Триан сообщил ей правду. Но она была благодарна ему за то, что он сделал это.

– Он сказал то, что должен был сказать ты, только и всего.

– Нет, не должен был, – упорствовал Киган. – Зачем это вообще?

– Дурачка из себя не строй, а? – устало попросила Альда. – Ты прекрасно знаешь, к чему все шло между нами. Ты это чувствовал, я это чувствовала. Ты обязан был рассказать мне правду о своей семье даже как друг...

– Да при чем тут вообще мои жена и дочь? Их нет на «Северной короне» и никогда не будет! Значит, не считается.

Ей снова захотелось заглянуть ему в голову, чтобы понять, что там вообще творится. Они будто разговаривали на разных языках! Вроде бы, слова знакомые, но смысл за ними такой дикий, что его невозможно воспринимать всерьез.

– Давай начнем с начала, – предложила Альда. – Расскажи мне, что это за семья такая и почему я должна делать вид, что их нет.

Киган посмотрел на нее так угрюмо, что сразу стало ясно: не хочется ему ничего говорить. Но отказываться он все-таки не стал, а значит, действительно хотел ее вернуть.

– Если ты уже вообразила красивую историю любви, то не нужно. Это случилось, когда я еще был кадетом и в дни отгула прилетал на Землю. Так получилось, что в группе со мной были только парни – биоэлектрокинетика чаще передается по мужской линии, от этого не уйти. Теперь представь, каково это – торчать несколько месяцев в космосе в компании одних мужиков! Понятно, что когда я прилетел на Землю, мне все девушки казались красавицами, божественными созданиями, сотканными из звездной пыли, и все такое.

– Подозреваю, что интересы у тебя были не такие романтические, – сухо указала Альда.

– Вообще, да. Но и девицы на мой счет не обольщались, все знают, что с кадетом связываться – гиблое дело. Что, скажешь, женщины секса не хотят? Я не искал там отношений, я искал тех девиц, которым, как и мне, просто хотелось развлечься. Но так получилось, что в какой-то момент я сошелся с подружкой детства – девушкой, которую я помнил еще по первым годам на Земле. Потом меня забрали на обучение, и я ее не видел, и теперь она предстала передо мной совершенно другим человеком.

– Чудесное преображение?

– Да не то чтобы... Просто красивая девчонка. Понятно, что я был ей рад, мы посидели, повспоминали былое – хотя вспоминать было почти нечего. В процессе умудрились нажраться и под конец вечера были пьяны в ноль. Честно, я даже не помню, как оказался с ней в койке. Утром проснулся с бодуна, но у таких, как мы, это быстро проходит. Мы с ней посмеялись, и я думал, что все завершилось. А потом она приходит ко мне и заявляет, что беременна, вот тебе и случайная встреча!

Альда, даже не зная ту девушку, сильно сомневалась, что и встреча, и ночь были такими уж случайными. Это на космических миссиях еще может быть беда с контрацептивами: используют их куда быстрее, чем пополняют запас. Но уж на Земле с этим давно проблем нет! Если та девица увидела молодого, красивого кадета, да еще и прекрасно знакомого ей, она могла догадаться, чем закончится их встреча. Чтобы забеременеть с первого раза, ей нужно было не просто отказаться от предохранения, желательно еще и принять стимулирующие таблетки.

Но Киган, похоже, был далек от таких подозрений.

– Я тогда был молодой и тупой, – продолжил он. – Кое-кто в нашей команде скажет тебе, что я совсем не изменился. Может, так и есть, но сейчас бы я отреагировал по-другому. А тогда мне казалось, что это круто-круто – вау, у меня будет сын!

– У тебя родилась дочь.

– Тогда это было неочевидно. Я не любил ту девушку, Альда, но я знал ее и уважал. Она была настроена сохранить ребенка. Она сказала, что любит меня, и, знаешь, это было чертовски лестно! Она бы сохранила ребенка в любом случае, но я решил, что до моего отлета нам обязательно нужно пожениться, чтобы дитенок этот родился в браке. Сама знаешь, какие привилегии это дает.

Альда знала – помнила со времен академии. Девушка, соблазнившая Кигана, скорее всего, тоже знала.

Космический флот поощрял любые отношения, в которых рождались дети. Никакой романтики здесь не было, просто так проще было отследить будущих солдат специального корпуса с правильным генетическим кодом. Поэтому женщинам, решившимся на такой брак, назначалось многолетнее пособие – и очень щедрое. Так что жена Кигана могла остаться на Земле и ни о чем больше не беспокоиться, пока ее дочь не станет совершеннолетней.

– Когда ты последний раз видел их? – тихо спросила Альда.

– Уже и не помню, если честно... Давно. Задолго до «Исхода».

– И тебя это не волнует?!

– Да как тебе сказать... А как ни скажу, будет криво звучать, поэтому вот тебе самая простая правда: нет, не волнует. Не сказать, что я совсем не люблю свою дочь... Но это не та любовь, которую я ожидал. Я смотрю на нее и вижу не себя, а ее мать, которая мне, по большому счету, безразлична. Я знаю, что тебя это разозлит.

– С чего бы мне злиться?

– По той же причине, по которой ты выбесилась, когда уродец сказал тебе про мою семью, – поморщился Киган. – Ты еще слишком молодая и наивная. Нет, тебе это идет! Но рано или поздно от этого нужно избавиться.

– От чего? Уважения к семье?

– От попыток романтизировать то, что романтизировать не нужно. Между мной и моей женой никогда не было любви. Я пошел на этот брак, чтобы ребенок рос в нужных условиях. Но я никогда не считал, что – все, у меня есть семья, больше ничего не надо! Как бы странно это ни звучало, мои жена и дочь – это не мой дом. Я у них бывал редко и гостем, и та женщина не близкий для меня человек. Так понятней?

– Понять могу, – кивнула Альда. – Принять – не очень.

Она знала, что он не врет ей. Альде не нужно было читать его мысли, чтобы понять это, телепаты такое мгновенно улавливают. Но это небрежное отношение к семье, просчет и святая вера в то, что он все равно свободен, потому что женат, не любя... Это было странно.

– Да я и не удивлен... Говорю же, ты – идеалистка! Наверно, веришь в настоящую любовь и родство душ?

– А ты не веришь?

– Хочу верить, – уверенно ответил Киган. – И хочу понять. Но если это существует, это никак не связано с тем, есть у меня официальная супруга или нет. Все, что было на Земле, остается на Земле. Мы существуем в космосе, Альда, мы сами по себе, и каждый день мы рискуем умереть. И уж прости, что, зная об этом, я позволяю себе любить, не задумываясь о прошлом! Тебе тоже не мешало бы научиться.

– Наплевательскому отношению к семье?

– Опять ты за свое... Свободе! Прекрати идеализировать что бы то ни было, идеалов не существует. Научись наслаждаться каждым днем, ты не знаешь, что будет завтра! Хочешь поцеловать кого-то – целуй, хочешь переспать – вперед, хочешь любить – не собирай перед этим базу данных! Честно, ты сама придешь в итоге к этому выводу, когда прослужишь на флоте чуть дольше. Я просто экономлю тебе время. Ты скована ненужными, тобою же выдуманными ограничениями!

В чем-то он был прав. Холодная, циничная сторона сознания Альды уже соглашалась с ним. Но пока это была неважная сторона, неспособная определять ее будущее.

– Да ничем я не скована. Согласна, может, я слишком бурно отреагировала на слова Триана. Но мне было обидно, что ты сам не сказал мне!

– Потому что не о чем говорить, это важно только для тебя. А чудовище тебя просчитало и воспользовалось твоей несвободой.

– Нет у меня никакой несвободы!

– Да? А сколько мужчин у тебя уже было и как быстро ты с ними сходилась?

– Киган, ты охренел? – устало поинтересовалась Альда.

– Что, с дамами о таком не говорят? Знаешь, я подозреваю, что ты еще не вышла из режима принцессы, которая ожидает большого и чистого чувства!

Он попал в точку – и наверняка догадывался об этом. Нет, не то чтобы Альда сидела и ждала той самой любви, ей просто было не до того. Последние годы она провела в академии, а там община маленькая, все друг друга знают. Кто-то сходится, кто-то ждет момента, когда можно будет выйти во внешний мир.

Ей никогда не хотелось отношений с другими кадетами, потому что любой такой союз становился новостью дня, которую мусолили от скуки все, кому не лень. Да и потом, Альда, в отличие от многих, развивала две способности, и свободного времени у нее почти не оставалось. Она почему-то была уверена, что потом все станет просто и понятно.

Но в чем-то Киган прав: большую часть своей жизни она проведет на кораблях, в маленьких группах, и круг ее знакомств будет не так уж велик. Шанс на истинное чувство редко выпадает, и нужно относиться ко всему проще, чтобы не покрыться плесенью в каком-нибудь темном уголке.

Впрочем, даже если это все так, Альда догадывалась: она еще не готова. Она просто не достигла нужного уровня цинизма и язвительности, чтобы ночь с кем-то стала для нее равносильна массажу или бокалу вина.

– Иди отсюда, – только и сказала она.

– Что, снова будешь бегать от меня?

– Бегать не буду, но ты со своими откровениями забыл, что мы можем опоздать на встречу. Капитан Лукия вряд ли впечатлится тем, что ты учил меня радоваться жизни, пока мы должны были работать.

По дороге к залу общих собраний они оба молчали. Альда пыталась убедить себя, что у нее нет причин злиться. Киган ведь действительно хороший человек – он сумел поддержать ее, когда от нее все отвернулись, он оберегал ее, рисковал ради нее... Пожалуй, однажды все это перевесит остальные его черты и позволит относиться к нему как раньше. Но не сейчас.

Альда тихо радовалась, что капитан собрала их – значит, будет новое задание! Это позволит ей отвлечься. Задание – это сложно, но это же и понятно. Там она будет при деле и ей не придется рассуждать, правду сказал Киган или нет.

Они вошли в зал последними, но не опоздали, так что причин для выговора не было. Увидев их вместе, Рале подмигнул им. Он, должно быть, решил, что они наконец помирились и снова сошлись. Остальные члены экипажа вообще не обратили на них внимания. Альда невольно посмотрела в сторону Триана, занимавшего место рядом с капитаном. Но он выглядел откровенно скучающим, его не интересовали ни Киган, ни Альда, ни вся «Северная корона», и своим присутствием он сделал им большое одолжение.

Увидев, что все собрались, Лукия не стала медлить. Она поднялась с кресла и включила экран. Перед ними появилось изображение планеты – мутный шар, замерший в вечной пустоте, гигант, который, впрочем, казался крошечным рядом со своей величественной звездой. Альда не знала ни эту планету, ни эту галактику. Но какая разница? Все это – часть «Исхода», и очень скоро все они окажутся там.

– На что мы смотрим? – полюбопытствовал Киган таким тоном, словно ему вот-вот предстояло отправиться в парк развлечений.

– На Глизе 832с, – ответила Лукия. – Это наша новая цель. Расположена в созвездии Журавля, вращается вокруг красного карлика Глизе 832.

– Созвездие Журавля? – переспросил Рале. – Недалеко! Понятно, что это не на соседнюю станцию за пивом сгонять, но до этого нас швыряли дальше. С чего это вдруг?..

Он не закончил, но Лукия его поняла – как и все, кто находился в зале. Планеты, выделенные под колонии, обычно располагались очень далеко от Земли. Так далеко, что само путешествие к ним было смертельно опасным, и на такое ни за что не решились бы, если бы нашелся вариант попроще.

Так вот, Глизе – это и есть относительно безопасный вариант. Даже во времена «Исхода» с его не самыми совершенными кораблями добраться туда было куда проще, чем до тех планет, на которые уже посылали «Северную корону». Получается, если к Глизе направили корабль, исследовать ее нужно было первой!

Но до нее добрались только сейчас, да еще и посылали туда одну из самых сильных команд – Альда догадывалась, какая у них репутация. Что-то здесь не так...

– Уже во времена «Исхода» эта планета считалась одним из самых выгодных вариантов, – невозмутимо продолжила капитан. – Индекс подобия Земле в ее случае – 0,81, а вы знаете, как это много. Вероятность атмосферы была крайне высока, красный карлик дает очень хорошую температуру, сама планета расположена удачно, словом, многое сошлось.

Рале первым догадался, к чем она клонит:

– А когда многое сходится, появляется вероятность разумной жизни.

– Да. На момент «Исхода» Глизе числилась в коротком списке потенциально обитаемых планет. Почти никто не сомневался, что там есть жизнь – какая-то. Но не было уверенности, что эта жизнь разумна. Тем не менее, по сравнению с другими планетами, которые даже в теории оставались просто булыжниками в космосе, Глизе была лакомым вариантом. Планеты в «Исходе» назначались методом жеребьевки, и получить направление на Глизе воспринималось как большая удача.

– Кому же в итоге повезло? – осведомился Киган.

– Туда был направлен колониальный корабль «Татенен», один из самых больших в «Исходе». Он перевозил примерно пять тысяч человек. Судя по сохранившимся у нас данным, «Татенен» благополучно добрался до Глизе и приземлился.

– Приземлился или рухнул? – уточнил Рале.

– Приземлился и даже послал сигнал на Землю.

Это значило очень много. Посадка любого колониального корабля была авантюрой. Люди в большинстве случаев выживали – хотя бы часть экипажа. Но чем мягче проходила посадка, тем больше оборудования и припасов оставалось в их распоряжении. «Татенен» преодолел не самый опасный путь, мягко опустился на планету с хорошими условиями, там должна быть развитая колония!

Но если бы все было так идеально, с исследованием планеты не стали бы тянуть.

– Его ведь в итоге потеряли, не так ли? – печально улыбнулась Ноэль. – Как и все остальные корабли...

– Сложно сказать, когда именно прервалась связь. Развалился сам проект «Исход», и даже если «Татенен» пытался связаться с командованием, им просто не отвечали. А век спустя, когда «Исход» был восстановлен космическим флотом, молчал уже «Татенен».

Вряд ли это произошло просто так. Альда знала, что ей не нужно придумывать лишнего, нужно просто слушать капитана и все. Но воображение не всегда подчиняется здравому смыслу, и теперь оно безжалостно рисовало тот ужас, который, должно быть, пережили колонисты. Они попали не просто на райскую планету, они попали в мир, где уже была жизнь. Которая могла не обрадоваться их прибытию! Улететь они не могли, они молили о помощи – а в ответ получали только глухую тишину...

– Планета расположена не так уж далеко от Земли, туда несложно направить разведывательное оборудование, – указал Стерлинг Витте. – Не обязательно лететь команде, планету можно изучить дистанционно!

Конечно, этого хлебом не корми – дай работы избежать!

– Это уже было сделано, – кивнула Лукия. – Но мы смогли использовать только орбитальные спутники. Электромагнитный фон в атмосфере Глизе быстро выводит из строя дроны, и запустить туда хорошие камеры не получилось. Но кое-что мы увидели.

Картинка на экране сменилась. Теперь вместо планеты перед ними предстала плотная горчично-желтая дымка, через которую едва просматривалось нечто странное. Сначала Альда вообще не понимала, на что смотрит, но быстро догадалась: это рельеф планеты, съемка с тех самых спутников, о которых говорила капитан.

Глизе не была цветущим садом, это уж точно. Дымка мешала толком рассмотреть ее, однако Альда видела, что там очень много пустынных земель, а между ними располагаются то ли горные долины, то ли гигантские кратеры. Центром каждого из них служило очень большое озеро правильной круглой формы, вокруг которого поднимались скалистые берега. И эти берега не были пустынными!

Сейчас все внимательно присматривались к снимкам, но первой задать вопрос решила Ноэль:

– Это что... города?!

– Все на то указывает, – ответила Лукия. – Нам по-прежнему известно очень мало. Но теперь мы знаем, что там есть жизнь, способная возводить города.

– Так может, это люди? – предположил Киган.

– Маловероятно. Во-первых, городов слишком много и они разбросаны по всей планете. Люди вряд ли могли добиться такого результата всего за один век. Во-вторых, наши спутники обнаружили «Татенен». Он выглядит покинутым и неиспользуемым.

– Это ничего конкретного не означает, – заметил Рале.

– Но на многое намекает.

Тут Альда была согласна с капитаном. Корабль должен был оставаться центром жизни людей на планете – хотя бы первое время. Неужели они бы рискнули бросить его просто так? Не использовать, а именно бросить? Нет, вряд ли...

Их там ждала другая жизнь. Совершенно другая! От этой мысли мурашки шли по коже. Нет, Альда знала, что это не первый случай обнаружения разумной жизни во вселенной. Но сама-то она с таким не сталкивалась!

Теперь вариантов нет. Раз им рассказали о Глизе, значит, они летят туда – и вовсе не затем, чтобы посылать спутники и дроны. Когда Альду только определили на «Северную корону», одна лишь возможность ступить на другую планету приводила ее в детский восторг. Но то, что произойдет на Глизе... это больше, это важнее!

– Завтра мы будем возле Глизе, – предупредила Лукия. – Дальнейшие инструкции вы получите от меня на месте. Можете быть свободны.

Альда видела, что грядущая миссия повлияла на всех. Они ведь с таким раньше не сталкивались, сколько бы они ни служили во флоте! Даже Киган больше не приставал к ней, совершенно позабыв об их недавнем споре.

И только Триан, за всю встречу не проронивший ни слова, по-прежнему вел себя так, будто ничего особенного не произошло. Наблюдая за ним, Альда невольно задумалась: а готова ли Глизе со всей своей разумной жизнью к его прибытию?

* * *

Это была голодная пора, опасная пора, и Рива знала, что рано или поздно дойдет до беды. Она и рада была бы ошибиться, да куда там! Она поняла, что сбылись ее худшие опасения, когда к ее дому прибежали девочки, жившие на соседней улице.

– Рива, Рива, мама сказала, чтобы ты пошла и посмотрела!

– На что?

– Мама сказала, что люди сейчас солдата сожрут! Она сказала, чтобы ты помешала!

Рива, на самом-то деле, была немногим старше этих девочек. Она заметно вытянулась за минувшие сезоны, но все равно уступала в росте взрослым. Ее грудь оставалась плоской, бедра – узкими, ее тело не было готово к рождению ребенка. Так что было странно получать просьбу о помощи от матери этих детей, кто-то другой на месте Ривы вообще не имел бы права голоса в такой ситуации!

Но она уже знала, что не должна сравнивать себя с другими, и знала, почему. Ей рассказали те, кто заботился о ней после смерти родителей.

Ее отец был главой сообщества людей. Именно он связывал их между собой, не давал им забыть свое прошлое, он вел переговоры от их имени с сеншеном. Конечно, отец все равно был не выше, чем таруа – и уж точно не выше, чем холини. Но его очень уважали, потому что он помнил многое из того, что другие забыли. Он помнил про Татенен!

Он любил свой народ, а потому не готов был держаться за ту жалкую жизнь, которая была дозволена сообществу людей холини. Отец планировал восстание, а мать помогала ему в этом. Они понимали, что вряд ли смогут забрать себе весь город или вернуть Татенен. Но

они хотели показать холини и таруа, что люди тоже имеют определенные права! Они хотели добиться уважения и равенства... У них были союзники, готовые идти за ними до конца, готовые даже жизнь за них отдать. К тому же, в городе Триинсте сообщество людей было очень велико, у них могло получиться!..

Но не получилось. Их план выдали до того, как они успели к нему приступить. И кто выдал! Юста, ее родная сестра! Рива до сих пор не знала, почему так получилось. У нее не было шанса спросить: после казни родителей они с сестрой больше не виделись. Ей оставалось лишь самой гадать, почему Юста так поступила, но всякий раз она заходила в тупик.

Объяснимых причин просто не было! Родители всегда любили Юсту, они доверяли ей, они считали ее своей наследницей. Возможно, в будущем Рива даже ревновала бы из-за этого. Но тогда она была слишком мала... Она только чувствовала, что в ее доме все любят друг друга. Ей казалось, что это никогда не изменится.

Но ее знакомство с суровой реальностью было ранним и безжалостным. Юста была старше, она уже стала достаточно взрослой, чтобы разобраться в плане родителей. Ей не полагалось ничего делать, никто не призывал ее участвовать в этом! Но она приняла решение сама: она пошла и рассказала все сеншену.

Результат мог быть только один... Любого, кто осмелится на восстание против холини, ждет смерть. Можно было бы предположить, что Юста не знала об этом, не ожидала такого, если бы Рива не видела ее в тот день возле домика родителей. Все она прекрасно знала! Старшая сестра наблюдала, как маму и папу связывают, как уводят к озеру, как кричит, рыдая, маленькая Рива. Но из ее глаз не пролилось ни одной слезинки, она наблюдала за всем так, будто просто переживала это – и готовилась к новой жизни.

Конечно, домой Юста не вернулась. Весь город знал о том, что она сделала. Да люди бы сами швырнули ее в озеро, если бы она вернулась в их общину, и не важно, ребенок она или нет! Но холини не могли допустить, чтобы она погибла. Для них она тоже была символом – только не предательства, а должного повиновения. На ее примере они собирались показать, как сладко живет тем, кто подчиняется.

Поэтому Юсту не заставили вернуться на узкие улицы человеческой общины. Сеншен подарил ее своему сыну, и она стала личной игрушкой наследника Саркара. Она часто появлялась в городе – и всегда под охраной. Пока другие люди работали, ей вообще ничего не приходилось делать, разве что сидеть у ног своего господина на общих праздниках. Юста выглядела ухоженной, здоровой и всем довольной. Она не жалела о цене, которую заплатила за такую роскошь, и не интересовалась, что стало с ее младшей сестрой.

А Риве только и оставалось, что вернуться в опустевший домик ее родителей. Она тогда была слишком мала, чтобы выжить самостоятельно, но сообщество людей уважало ее. К тому же, в ней видели надежду – наследие ее родителей, последнее, что осталось от стремления к свободе. Люди надеялись, что Риве было известно то же, что и ее отцу, хотя бы отчасти.

И в чем-то они были правы. Теперь Рива понимала, почему мама и папа уделяли такое внимание сказкам, которые рассказывали ей! Никакие это были не сказки. Пообщавшись с другими людьми, она поняла, во что верит сообщество, о чем мечтает, на что уповает в самые черные часы.

Рива понятия не имела, сумеет ли она когда-нибудь сравниться со своими родителями. Но она честно пыталась. Она рано прекратила играть с другими детьми, после казни родителей никто уже не видел ее беззаботно бегущей по улицам и смеющейся. Она говорила со старшими людьми сообщества и узнавала у них то, что не успел рассказать ей отец. Даже в своем юном возрасте она, пожалуй, стала главной хранительницей прошлого.

Поэтому ее уважали, к ней прислушивались. Поэтому ее позвали теперь.

Кого еще они могли позвать? Да, у сообщества был формальный лидер – его после казни отца назначили холини. Но того типа никто по-настоящему не уважал, к Риве прислушивались

куда внимательней. Она была еще слишком мала, чтобы возглавить людей, да и вряд ли холини позволят это после того, что сделал ее отец. Однако она собиралась сделать все, что в ее силах, для сохранения мира. Только так Рива могла сберечь честь семьи и искупить то, что сотворила ее сестра.

В этом сезоне предчувствие беды давно уже не отпускало ее. Охота была неудачной, всходы – скудными. Все знали, что городу придется туго. В Триинсте хранились запасы еды, но они предназначались в первую очередь для холини, остатки подбирали со стола таруа, а людям доставались лишь жалкие крошки. Над сообществом витала тень голода, а это страшный противник – незримый и непобедимый. Страдание подталкивает к безрассудству, и вот теперь что-то произошло...

По пути она выяснила, что именно. Холини обещали открыть людям склад с едой, расположенный на территории их сообщества, – и не открыли. Просто не посчитали нужным, без объяснения причин. Холини решили, что их воли будет достаточно. Они ж великие, они не обязаны держать слово!

Они не соображали, что это у них сейчас все хорошо, а там, на улицах, обитают совсем другие создания. Люди, разозленные очередным пустым обещанием, перешли к действию. Они набросились на стражу, оберегавшую тот самый склад. А в страже служили точно такие же люди, не способные противостоять толпе. Судя по всему, двое из трех охранников сумели сбежать. Третий же попытался выполнить приказ, отданный ему холини, такое у него было представление о чести.

Очень наивный поступок. Толпа без труда одолела его, закидала камнями, и когда Рива добралась до склада, охранник уже сжался на земле, измученный, окровавленный, но все же живой – пока живой.

В какой-то безумный момент Риве захотелось вообще ничего не делать. Хотя бы раз снять с себя бремя ответственности, постоять в толпе и посмотреть, что будет дальше. Гадать не приходится, конечно: охранник умрет. Но так ли это плохо? Из-за крови и ран Рива не могла толком разглядеть его лицо, однако ей достаточно было видеть его доспехи.

Городская стража, лучшие из лучших. Люди в точно таких же доспехах пришли когда-то за ее родителями. Может, этот охранник тоже был там, как знать? Они никого не пожалели! Рива на всю жизнь запомнила, как искала сочувствия на их пустых лицах. Куда там! Это не люди даже, это жалкие рабы, продавшиеся холини, покорные твари, которым миска еды была дороже, чем связь с родом.

Разве этого было недостаточно для смертного приговора? Если задуматься, жалеть этого охранника не за что. Он заслуживает смерти куда больше, чем ее родители! Нужно только подождать, промолчать...

А она не смогла. Глядя на его дрожащее от боли и страха тело, Рива не чувствовала ничего похожего на удовольствие или торжество справедливости. В ее сердце быстро расплзалась жалость. Этот неизвестный солдат не был ее врагом, он был всего лишь несчастным, страдающим существом, муки которого она могла прервать.

Поэтому Рива уверенно шагнула вперед – и люди замерли, ни один камень больше не рассек воздух. Пожалуй, она смотрелась сейчас очень странно... Худенькая девочка в светлом платье перед сжавшимся на земле мужчиной. Все вокруг было залито кровью, сладковатый запах наполнял воздух, и Риву от него тошнило. Но когда она обратилась к толпе, ее голос звучал уверенно и громко – и этот голос был куда старше ее хрупкого тела.

– Расходитесь! Мне сообщили, что еще двое убежали. Вы прекрасно знаете, что это означает: они расскажут все своим хозяевам, и сюда прибудет карательный отряд. Они никого не пожалеют.

– Они придут в любом случае! – с вызовом бросил кто-то из толпы. Впрочем, ему не хватило смелости выйти и спорить с Ривой открыто. – Мы можем отомстить им хотя бы так, убив этого! Пусть будет уроком для всех, кто вздумает шататься по нашим улицам!

– И нам нужна еда! – жалобно добавила женщина, стоявшая неподалеку от Ривы. – Они обещали открыть склад и не открыли! А этот... он защищал от нас двери! Защищал то, что даже не принадлежит ему!

– Вряд ли он действительно защищал что-то, – покачала головой Рива. – Скорее, он просто выполнял приказ, как и все они. Послушайте... Двери склада куда надежней охраны, вы это видите. Даже если вы убьете этого человека, вы не проникнете на склад, дело ведь не в нем. Вы не получите еды, потому что холины – лживые твари, обманувшие вас!

Она понимала, что говорит очень опасные вещи. Но видела Рива и то, что только так она сможет усмирить озлобленную толпу – обратившись к ним на их языке.

– Карательный отряд будет здесь, это не обсуждается, – продолжила она. – Но это не значит, что ваша судьба предрешена! Одно дело, если они найдут здесь своего раненого товарища и не найдут вас. Тогда они заберут его и выставят новую охрану, они в такое время не будут громить наши улицы, они тоже измотаны голодом. А если вы убьете его, вы не оставите им выбора! Вы прекрасно знаете, как они относятся к смерти своих. На кровь они ответят кровью! Они будут избивать всех подряд, и кому-то они не позволят увидеть рассвет, даже если человек этот невиновен. Вы этого хотите? Вы хотите побоище? Или вы всерьез собираетесь съесть этого несчастного, как уже болтают дети?

– Нет, конечно!

– Значит, его гибель никак не повлияет на ваш голод. Проявите милосердие! У холины есть в запасе еда, покажите им, что вы управляемы, вы ценны, вам нужно помочь, сохранить вас. Этого не добиться кровожадностью!

– Но, госпожа... Может, именно этот солдат завел ваших отца и мать на плот!

Это уже был удар по больному месту. Рива совсем недавно сама о таком думала! Ей отчаянно хотелось отомстить тем, кто отнял у нее семью, ради этого она отдала бы все на свете...

Она снова обернулась к солдату, посмотрела на него. Он, как ни странно, даже не потерял сознание, хотя раны, оставленные камнями, были чудовищными. Один его глаз заплыл и закрылся, другой, расчерченный кровавой сеткой, наблюдал за Ривой с немим отчаянием.

Она не знала это лицо. Она, кажется, никогда не видела его раньше – а может, просто не узнавала в его нынешнем состоянии. Жалость никуда не делась, а ненависти по-прежнему не было. Рива стянула с плеч платок, наклонилась и прижала его к глубокой кровоточащей ране на шее солдата, которую сочла самой опасной.

Потом она выпрямилась и взглянула на толпу холодно, так, как прежде умел смотреть только ее отец.

– Хватит! – отрезала она. – Мы – не рии и не ирикены, чтобы жрать плоть павших! Вы можете убить его, и я не остановлю вас. Но не ожидайте, что после этого я буду считать вас людьми!

Она ушла от них. Рива ни разу не обернулась, она шла медленно, спокойно, как и полагалось *госпоже* – поэтому все видели в ней госпожу, юную наследницу чего-то по-настоящему великого. Рива не отдавала им приказов, она позволила им сделать выбор. Позже ей сообщили, что толпа разошлась, оставив истерзанную жертву в покое.

Рива прекрасно знала, что наговорила лишнего. Многих ее слов было достаточно, чтобы ее приговорили к смертной казни. А в толпе наверняка были те, кто уже донес о ее выступлении! Да и солдат ее слышал, он точно расскажет. Так что остаток дня Рива провела в своем домике, выжидая, придут за ней или нет. Она знала, что должна быть сильной – совсем как папа и мама когда-то... Но при мысли о том, что ее тоже скормят тварям, живущим в озере,

слезы сами собой наворачивались на глаза, ее начинала бить нервная дрожь. Какой бы мудрой Рива ни стала, она все равно оставалась маленькой девочкой, которой не хотелось умирать. Она не могла сдержаться и радовалась лишь тому, что никто сейчас не видит ее ужас и позор.

Но в ее дверь никто так и не постучал. Видимо, холини решили, что за ее умение усмирить толпу и сделать правильные выводы ей можно простить пару лишних слов.

Вечером на улицы, принадлежащие сообществу людей, прибыл отряд городской стражи. Многие затаились, ожидая, что это будет карательная миссия. Однако охранники разбросали перед домами ящики с едой и ушли, никого не тронув, и в этом тоже читалось послание от холини.

Голодный сезон удалось миновать без потерь. Теперь никто в сообществе не звал Риву иначе, как госпожой.

* * *

Киган Рэйборн чувствовал себя полным идиотом. Чем больше он думал о том, что наговорил Альде, тем больше ему хотелось самому себе вмазать чем-нибудь твердым и тяжелым. Он-то думал, что его главная проблема – это чудовище из Легиона, а оказалось – он сам!

Он хотел сказать ей одно, а получилось почему-то совсем другое. Он представал перед ней каким-то любителем быстренько перепихнуться в подсобке, пока корабль стоит на заправке. И плевать, кто его жена, где там у него дети растут! Но на самом деле все ведь было не так... А прозвучало именно так.

Ему никогда раньше не приходилось ни перед кем оправдываться, вот почему, пожалуй, его слова прозвучали непонятно как. Киган всегда старался жить просто и честно. В его мире не было людей, которых он ценил бы достаточно высоко, чтобы объясняться перед ними. А Альда ведь и правда еще наивная девчонка, это делало его задачу куда сложнее.

Он хотел бы попытаться снова. Стереть тот разговор из ее памяти – но не из своей, чтобы не допустить тех же ошибок. Ирония была в том, что как раз Альда могла такое проделать, она же телепатка! А у него не было второго шанса на первую попытку. Он уже наболтал столько, что помириться с Альдой будет ой как непросто. С этим придется смириться, потому что в ближайшее время у них вряд ли появится возможность поговорить по душам.

Им обоим нужно было сосредоточиться на миссии. Киган прекрасно понимал, что простой она не будет. Им и раньше-то было нелегко, когда они имели дело только с людьми! Хотя так ли велика разница? Колонисты были мало похожи на своих предков, покидавших когда-то Землю. Они уже, можно считать, были инопланетянами. А раз так, то и разумная жизнь на Глизе не так уж страшна.

Но прежде, чем проверить это, нужно было попасть на планету. Это оказалось непросто: плотная атмосфера Глизе не радовала. При иных условиях планета была бы очень холодной, но постоянный купол облаков над ней создавал парниковый эффект, и внизу их ожидала скорее жаркая пустыня. Приземлиться в нее будет несложно, песок, если это действительно песок, смягчит удар. Долететь бы только!

– На автопилот надеяться не приходится, – неохотно признал Киган.

– Почему? – нахмурилась Лукия. – Вы сказали, что оборудование «Стрелы» защищено от облучения и не пострадает.

– С вероятностью девяносто процентов – добавляю я теперь. То есть, скорее всего, наш корабль будет бодр и свеж, когда мы грохнемся в пустыню. Но есть еще подлючие десять процентов, что коробочка попытается развалиться. Корпус «Стрелы» выдержит любое воздействие, а вот электронный мозг поджарится. Если мне придется переключать почивший автопилот на ручное управление прямо в полете, это будет хуже, чем если я буду управлять им вручную с самого начала.

– Поступайте, как считаете нужным, Рэйборн. Со своей стороны я лишь прошу вас по возможности скрыть наше появление от жителей города. Похоже, сложными технологиями они не обладают. Нам нужно, чтобы нас не заметили при наблюдении, этого будет достаточно.

– Так точно, кэп!

На Глизе их интересовали две цели: любой из городов и покинутый «Татенен». Значит, Кигану нужно было провести «Стрелу» между кораблем и ближайшим кратером. Так себе задание, простым не назовешь... Чтобы все получилось, нужно полностью сосредоточиться на деле и забыть об Альде.

Но как о ней забудешь? Киган, занимавший место пилота, не мог не заметить, что прямо рядом с ней устроился легионер. Какого хрена вообще?! Кто его просил, свободных мест хватает!

Триан никогда ему не нравился, а уж после того, как он рассказал Альде о его семье, отношения между ними уже не могли быть нормальными. Больше всего Кигана раздражало то, что он не мог ничего сделать, он был вынужден мириться с присутствием этого чудовища на борту. Да, сейчас Альда и легионер не разговаривали, и не похоже, что телепатка так уж радовалась его соседству. Но на предыдущей миссии они умудрились поладить, и неизвестно, что произойдет на этой!

– Рэйборн, мы можем стартовать, – поторопила его Лукия. – Вам нужно время на подготовку или на витание в облаках?

– Сейчас все будет!

Миссия. Нужно думать о миссии. Альда, в конце концов, не так уж важна, что с ним вообще происходит в последнее время?

Когда начался полет, все лишние мысли наконец оставили его. Киган любил эти мгновения – когда «Стрела» теряла связь с кораблем и начиналось контролируемое падение. Челнок казался таким маленьким на фоне космических гигантов, таким хрупким. В стороне от них пылал красный карлик, а к ним приближалась незнакомая планета, казавшаяся гигантским драгоценным камнем, тускло мерцающим на фоне черной галактики. Каких-то сто лет назад о таком путешествии и речи не шло бы – о возможности слетать туда и вернуться обратно. Но какой смысл думать о том, что было раньше? Теперь времена изменились – и Киган чувствовал себя человеком, обуздавшим космос.

Полет от корабля к планете был простым – через такое Киган уже проходил сотни раз. А вот когда они добрались до Глизе, начались сложности. У «Стрелы» не было иллюминаторов как таковых, наблюдать за внешним миром приходилось через камеры. Киган успел только разглядеть, что они погрузились в нечто густое, облака над планетой напоминали ему горчицу, размешанную в молоке – так себе сочетание при любом раскладе. И здесь эти облака не были такими, как на Земле, они вообще не разрывались, они двигались сплошной пеленой, надолго закрывшей от обитателей планеты скромное солнце. Может, вообще навеки?

Они едва коснулись облаков, когда отключилась первая камера. Она, рассчитанная на грандиозные перегрузки и не раз выносившая их, сгорела за секунду! Киган решил бы, что это случайность, всего лишь единичный брак, если бы вскоре ее судьбу не повторила вторая камера.

– Твою мать, – процедил он сквозь сжатые зубы.

– Проблемы, Рэйборн?

– Ничего такого, с чем я бы не справился, кэп! Просто... убедитесь, что все ремни пристегнуты, нас может потрясти!

Он надеялся, что хоть какая-то из камер выдержит, но нет, очень скоро даже запасные безжалостно отключились. Хорошо еще, что он не делал ставку на автопилот! Кигану оставалось лишь полагаться на компьютеры, на расчеты, которые он сделал еще на «Северной

короне». Но судя по тому, как трясло «Стрелу», от облучения доставалось всему оборудованию.

А ведь это был лучший челнок из изобретенных космическим флотом! В «Стреле» использовали самые современные средства защиты, сто лет назад ничего подобного еще не было. Но гиганту «Татенену» все равно пришлось приземлиться здесь, у него и выбора не было. Киган начинал подозревать, что посадка прошла вовсе не так гладко, как принято считать.

Сейчас ему нужно было сделать все, чтобы уберечь «Стрелу». Киган запретил себе думать о том, будет ли корабль вообще способен взлететь обратно, не застрянут ли они навсегда. Еще будет время побеспокоиться об этом! Сейчас ему нужно было убедиться, что они не рухнут на планету – даже солдаты специального корпуса способны пережить не все.

Скорость стала непозволительно большой, свет в кабине отключился, выла тревога, а трясло их так, что Кигану едва удавалось удерживаться в кресле. Он позабыл обо всем на свете, он знал, что земля уже близко, и все его мысли, все чувства свелись к одному: удержать челнок в правильном положении. Потому что иначе, иначе...

К счастью, он не успел даже представить, какая печальная судьба их ждет. «Стрела» содрогнулась всем корпусом, но не перевернулась, а значит, она вошла в песок нужной стороной. Сирена все еще жалобно подвывала, а свет появился только в аварийном режиме – тусклый и красноватый. Но гул падения и тряска прекратились, посадка прошла успешно.

Киган только теперь понял, что его кожу под униформой покрывает слой холодного пота, а руки дрожат мелкой дрожью. Перед тем, как обернуться к остальным, он заставил себя нацепить самую жизнерадостную улыбку, на какую только был способен. Не важно, что он чувствует, он должен оставаться беззаботным, чтобы не пугать их.

– Все живы? – поинтересовался он.

– Все, – мрачно отозвался Рале. – Хотя ты постарался это изменить!

– Не, без меня вы бы прибыли на планету пюрешкой. Но вы остались целыми, пусть и не слишком привлекательными телами – это хорошая новость. Других хороших новостей у меня для вас нет.

– Что вы имеете в виду, Рэйборн? – насторожилась капитан.

Кигану не слишком хотелось признаваться в этом, но скрывать такую правду он не мог.

– Если я не сумею починить корабль, нам придется подыскивать себе кратер поуютней, потому что мы застрянем здесь навсегда!

Глава 3

Альда не заблуждалась насчет их судьбы, она знала, что все плохо. И ей следовало бы испугаться, расплакаться – вот прямо как Ноэль. Но почему-то не получилось.

Это лишь доказывало, как сильно она изменилась всего после двух миссий. Если бы такое произошло на ее первом задании, она бы, пожалуй, умерла на месте, едва услышав про поломку «Стрелы»! Но она слишком много пережила – и она стала гораздо сильнее, поэтому она не собиралась сдаваться раньше срока. И она ведь здесь не одна! Никто из команды не пострадал, все они сильны. Да один Триан равен целой армии! Альда убеждала себя, что не нужно выделять его среди остальных и не нужно считать его другом. Но подсознание уже верило, что, пока он рядом, ничего плохого не случится.

Когда Киган просканировал атмосферу и подтвердил, что выходить безопасно, Альда и Триан были первыми, кто покинул корабль. Капитан Лукия и Рале тоже ничего не боялись, но они задержались возле мониторов. А Альде не терпелось увидеть мир, который встречал их, ведь на этот раз на камеры рассчитывать не приходилось.

Она знала, что они приземлились в пустыне, но знала и то, что пустыня эта не будет обычной. Ожидания оправдались: Глизе отличалась от тех планет, на которых уже бывала Альда, и точно отличалась от Земли. Начать хотя бы с того, что ее небо полностью скрывалось за толстым слоем коричневато-желтых облаков. Никакого разрыва в них не было, и Киган сказал, что вся атмосфера тут такая. Солнце было видно, но всего лишь как небольшой шарик за облаками. Прямые лучи никогда не падали непосредственно на поверхность планеты, они всегда проходили через облака, как через фильтр. Из-за этого свет выглядел очень странно: он казался густым, как будто наполненным пылью, хотя на самом деле никакой пыли не было. Если на Земле свет – это свет, цвет он обретает лишь в определенное время суток, то на Глизе свет всегда был окрашен в желтый.

Это, естественно, меняло все цвета окружающего мира, придавая им желтый оттенок. Хотя Альда не могла сказать, что это делало планету такой уж жизнерадостной. Нет, желтый здесь был с каким-то грязноватым оттенком, да и ярким его бы никто не назвал. Казалось, что Глизе погружена в вечные сумерки.

Но если света здесь не хватало, то жары оказалось с лихвой. Их встречала самая настоящая пустыня, раскаленная и душная. Слой облаков над планетой следовало рассматривать как купол, который накапливал тепло и неохотно его отпускал. Дышать было тяжело, воздуху остро не доставало свежести, казалось, что он обжигает легкие изнутри.

«Стрела» оказалась на пустынной равнине, со всех сторон окруженная крупным горячим песком. Лишь на далеком-далеком горизонте можно было различить смутные очертания гор, служивших границей очередного кратера. А в той стороне, где, по расчетам, должен был находиться «Татенен», вообще ничего не было видно.

Альда была заворожена новым миром, но и о своих обязанностях она не забывала. Оказавшись за пределами челнока, она сразу же проверила окружающее пространство.

– Жизни поблизости нет, – отчиталась телепатка. – Ни разумной, ни какой-либо другой.

– Да и не мудрено, – хмыкнул Киган. – Тут жара выше сорока по Цельсию, я б тоже не вышел!

Он казался таким же бодрым и оптимистичным, как всегда. Создавалось впечатление, что он не до конца понимает, в какую беду они попали! Но Альда не позволила его предполагаемой беззаботности обмануть себя. Она чувствовала: в глубине души Киган напряжен. Возможно, даже винит себя за то, что случилось, хотя никакой вины на самом деле не было. Он чудо сотворил, когда уберег «Стрелу»! Ей хотелось сказать ему об этом, но она так и не решилась: отношения между ними по-прежнему были сложными.

– Рэйборн, каково состояние корабля? – поинтересовалась Лукия.
– Примерно как после прохождения мясорубки.
– Меньше метафор, больше фактов.
– Планетка нас пожевала, – неохотно признал Киган. – Мне еще нужно будет провести полный осмотр. Но навскидку тут нет ничего такого, что я не смог бы починить.

– Что вам для этого потребуется?
– Время и боевой задор. А инструменты и запчасти на корабле есть. Правда, починить железки будет проще, чем наладить программу – если от нее вообще что-то осталось. Но если и не осталось, как хорошо, что у нас есть ходячая карта памяти, правда?

Он бросил выразительный взгляд на Стерлинга, и ни для кого в команде не было секретом, что он имеет в виду.

Стерлинг Витте был далеко не сильнейшим среди киборгов – но и не самым слабым. Значительная часть его тела была создана из лучших технологий, разработанных военным флотом. Это не только поддерживало в нем жизнь, он располагал компьютером, способным работать с любой системой, и неограниченным запасом данных. Так что и основные коды для «Стрелы» там наверняка найдутся! Их положение, всего несколько минут назад совсем уж незавидное, становилось все менее мрачным.

– Хорошо, – кивнула капитан. – Значит, вы и займетесь ремонтом. Мы разделимся на три команды.

– Разделимся? – еще больше перепугалась Ноэль. – Зачем нам разделяться на такой жуткой планете? Почему мы не можем остаться тут вместе, пока Киган не починит корабль?

– Потому что мы прибыли не для того, чтобы летать туда-сюда на «Стреле», Толедо, и прекратите уже рыдать! У нас есть миссия, и я не вижу препятствий для ее выполнения. Задание на Глизе отличается лишь одним: сейчас у нас две известные цели.

Тут она была права. Во время предыдущих полетов все было более-менее просто: они искали колонистов. Теперь же им предстояло не только тайно изучить город в кратере, но и отыскать останки «Татенена». Они не могли себе позволить сидеть тут и паяться на сломанный корабль.

Капитан Лукия некоторое время размышляла о чем-то и наконец объявила:

– Да, разделение на три команды я считаю самым оптимальным. Оно позволит нам выполнить задание, не теряя времени. Первая команда – это Рэйборн и Витте. Вы обладаете всеми нужными ресурсами для того, чтобы починить корабль и, при необходимости, защитить его.

– Как скажете, капитан, – поспешил согласиться Стерлинг. Он, похоже, наконец сообразил, что «Стрела» сейчас самое безопасное место на всей планете.

– Он же меня с ума сведет своим ворчанием, – простонал Киган.

– Ваш ум будет в порядке, Рэйборн, если вы посвятите его восстановлению корабля! Далее. В город отправится Мазарин в сопровождении Триана.

Вот такого поворота Альда точно не ожидала. Она пойдет... в город?! В город, возможно, населенный *только* пришельцами? Да еще и в сопровождении Триана? Что она там будет делать, у нее даже нет полномочий для переговоров!

Но если Альда была просто удивлена, то Киган мгновенно вспыхнул.

– Капитан, это неразумно!

– Ваше мнение никто не запрашивал, Рэйборн.

– Но Альда – младшая в команде!

– Это не принципиально.

– Она не умеет сражаться!

– Поэтому ее будет сопровождать Триан.

– Это опасно!

– Как и вся наша работа.

– Но что я буду там делать? – вмешалась Альда. – Капитан, я не отказываюсь, не подумайте! Я действительно не понимаю. Разве инструкция не позволяет только вам вступать в контакт с разумными формами жизни?

– Только мне. Поэтому вы не будете вступать с ними в контакт.

– Зачем я тогда иду туда?

– Чтобы наблюдать, – пояснила Лукия. – Для любого контакта еще слишком рано, нам нужно больше сведений, получить которые можете только вы. Первое: вы одна поймете их речь. Я не сомневаюсь, что развитая цивилизация использует свой язык, понять который можно только с помощью телепатии. Второе: ваши способности помогут вам и Триану остаться незамеченными. Вы сможете при необходимости отвести им взгляд или вовсе удалить себя из их памяти. Разве я в чем-то не права?

Спорить с ней было сложно. Альда и правда все это умела – но тренировалась-то она на людях! Она не была уверена, что ее способности подействуют на разум существ, порожденных Глизе. С другой стороны, она уже встречала инопланетные формы жизни, пусть и неразумные. Их сознание не так уж сильно отличалось от земных животных.

– Вы должны разобраться, что происходит на этой планете, – добавила Лукия. – Кто здесь живет, как тут все устроено, чего они хотят. Я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Это не значит, что вы обязаны входить в контакт с аборигенами – напротив, я это не рекомендую. Но вы можете сделать это, если захотите, я полагаюсь на ваше суждение. Ваша задача – собрать как можно больше информации и вернуться на «Стрелу», оставшись незамеченными. Если что-то пойдет не так, уверена, Триан сумеет вас подстраховать.

– Да я, если надо, тут все в пустыню превращу, – ухмыльнулся легионер.

– Надеюсь, такой необходимости не возникнет.

– Тогда я иду с ними! – тут же вызвался Киган.

– А кто корабль будет чинить? – фыркнул Рале. – Сиди уже, спасатель!

– Но он же опасен!

– Опасен, – охотно согласился Триан. – Но я свою миссию знаю.

– С ними больше никто не пойдет, – отрезала Лукия. – Двоих будет достаточно, им проще скрыться. Что же до меня, я направлюсь на «Татенен» вместе с Толедо и Майроном.

– И я пойду? – растерялась Ноэль. – Может, не нужно?

– Толедо, прекратите сейчас же. Вы пойдете со мной, потому что из трех миссий это единственная, где вы можете быть полезны. При ремонте корабля вы не нужны. Осмотреть местные формы жизни было бы неплохо, но Мазарин будет тяжело прикрывать вас, и затраты сил не равноценны выгоде. А вот на «Татенене» могли сохраниться останки колонистов, которые вы изучите, чтобы определить, какая судьба их постигла.

Альда сильно сомневалась, что Ноэль действительно будет полезна на этой миссии. Но для всех лучше, если она останется рядом с капитаном.

Телепатку же больше волновала собственная судьба. Она пойдет в этот город, непонятный, страшный... да еще и с Трианом, который опасен и непредсказуем! Ей уже почти хотелось попросить Лукию, чтобы с ней все-таки отпустили Кигана – несмотря на все ссоры, он был ей куда ближе, чем легионер. Но Альда сдержалась. Если капитан дала ей задание, она должна справиться! Если все пройдет удачно, помощь Триана вообще не понадобится, а если нет...

Тогда этой планете не позавидуешь.

* * *

Она должна была стать женщиной. Никто не сделал бы для нее исключение. Ей и так долго удавалось избежать этой печальной участи.

Сразу после рождения разница между мальчиками и девочками в сообществе людей не имела большого значения. Все они были детьми – беспомощными, слабыми и неспособными ни на какую работу. Им позволяли расти и учиться, вся ответственность за них лежала на плечах родителей, а если родителей не было – всех, кто хотел бы о них позаботиться.

Но как только ребенок становился достаточно силен, чтобы унести в руках хотя бы кувшин с водой, его беззаботное детство заканчивалось. Он обязан был помогать старшим: например, носить мелкие камни для строительства, раскладывать корни для сушки или резать мясо на тонкие полоски. Разницы между девочками и мальчиками по-прежнему не было. Достаточно силен, чтобы выполнить работу? Выполняй. Поранился? Никого не касается. Погиб? Не повезло.

Все менялось, когда девочка обретала способность иметь детей. Мальчики продолжали выполнять любую работу, порученную людям городом. Но молодая девушка обязана была продолжить род. Никто не спрашивал ее, хочет она того или нет. Если очень повезет, ей позволяли только выбрать партнера – отца будущего ребенка. А вот время рождения младенца от нее не зависело, никто не позволял ей подождать. О первой крови молодой девицы должны были рассказать главе сообщества, чтобы он подобрал ей пару. Люди слишком высоко ценились, чтобы позволить их численности уменьшиться. Молодая женщина должна была родить не меньше пяти детей, прежде чем ей позволили бы делать хоть какой-то выбор в этом отношении.

Риве и так уступали во многом. Она не была главой сообщества, но все прекрасно знали, на что она способна и как к ней относятся другие люди. Поэтому хозяева города прощали ей многие мелкие оплошности и не слишком загружали работой, оставляя ей немало свободного времени для бесед с людьми.

Но время шло, Рива становилась старше и вполне могла стать достойной сменой своему отцу – слишком умной и непокорной, чтобы контролировать ее. Поэтому холини не упустили бы такой возможности повлиять на ее жизнь.

Она боялась этого момента – почти как смерти. Нет, Рива не сомневалась, что однажды она захочет детей. Но она хотела родить их по своей воле – и оставить у себя. Пока же у нее не было мужчины, с которым она хотела бы разделить ложе и которому доверилась бы. К тому же, она знала, что рождение ребенка даст холини идеальный способ управлять ею. Сама Рива, став постарше, перестала бояться смерти и боли. Она усвоила, что есть вещи страшнее... Например, позор. А вот если у нее будет дитя, если холини попытаются угрожать ему... Выдержит ли она? Сможет принести в жертву невинную жизнь? Или она начнет покорно служить холини, лишь бы ее ребенка оставили в покое?

Ответов у нее не было, она старалась просто отвлечься от проблемы, пока получалось. Но это не могло длиться вечно, и со временем ее тело начало меняться. Ее фигура округлилась, в лице проявились мягкие черты ее матери, а в должный срок она обнаружила кровь, указывающую, что она уже способна понести дитя.

Рива и так скрывала это, сколько могла, и получалось у нее очень долго. Она никому не сообщила о переменах, хотя должна была. Рива подозревала, что женщины, с которыми она общалась, догадываются о ее состоянии. Но никто ее не выдал, в сообществе ее слишком ценили.

Рано или поздно это должно было закончиться. Однажды ее тело станет слишком взрослым – и будет ясно, что она просто соврала. Рива так боялась того, что последует дальше, что чуть было не отправилась за помощью к сестре.

Ее отношения с Юстой до сих пор были запутанными и сложными. Рива не подходила к ней, сестра сама начала искать ее общества. Вскоре после того случая со складом продуктов Юста прибыла к ее бедному домику и попыталась поговорить с ней. Но Рива закрылась внутри и отказывалась отвечать. Она знала, что за ними наблюдают, и хотела, чтобы другие

люди видели: пути назад нет, они больше не дочери одних родителей. Юста повторяла эту попытку еще несколько раз, но с тем же результатом.

А между тем влияние Юсты росло. Старый сеншен умер, и его место во главе города занял Саркар – его сын, которому и принадлежала Юста. Она вроде как оставалась его личной игрушкой, но все прекрасно знали, что он советуется с ней обо всем, что связано с людьми. Получается, Юста обладала большей властью, чем глава сообщества или распорядитель городской стражи.

Так что да, она могла бы помочь сестре. Сама Юста была старше и давно уже превратилась в женщину – но она ни разу не была беременна, значит, сеншен позволил своей любимице даже эту вольность. Вряд ли это по-прежнему была награда за предательство родителей, слишком много времени с тех пор прошло. Скорее всего, Юста просто научилась правильно вести себя с хозяевами города.

И все равно Рива не пошла к ней. Она даже отправилась в путь – а потом развернулась обратно. Она вдруг поняла, что это тоже будет предательство. Как будто и она согласится на то, что случилось с родителями по вине Юсты... Может, глупо так думать, ведь отец и мать уже мертвы! Но по-другому не получалось.

Поэтому она убедила себя, что найдет выход сама, но так и не нашла. В один из дней к ней в дом без приглашения заявился Тувенег – его холини назначили главой сообщества людей сразу после смерти ее отца. Рива его терпеть не могла, и эта неприязнь была взаимной. Да и как он мог симпатизировать какой-то девице, которую уважают куда больше, чем его – седого старца?

– У тебя идет кровь прямо сейчас? – бесцеремонно поинтересовался он.

Рива почувствовала, что багровеет от злости. Ей вроде как полагалось почитать лидера людей, но ничего похожего на почтение она не чувствовала. Тувенег смотрел на нее, как на кусок мяса, оценивая размер ее груди и ширину бедер. Он несколько не сомневался в том, что она стала женщиной, и он определенно радовался тому, что ее ждет. В ней он видел соперницу, которая скоро будет устранена без каких-либо усилий с его стороны.

Ей хотелось ответить дерзко, зло, а лучше – вцепиться в его седые патлы и вытащить прочь из своего дома. Но она не могла... знала, что не получится. Рива много двигалась и много работала, она никогда не злоупотребляла поддержкой других людей, и это сделало ее сильной и выносливой. Так что она, возможно, и сумела бы побить Тувеге, ее тело стало достаточно взрослым для этого. Так ведь старикашка никогда не ходил один, его всегда сопровождали не меньше двух охранников. А против них у Ривы не было шансов...

– Нет, – только и сказала она, стараясь взглядом выразить все свое презрение.

Но Тувенег был слишком глуп, чтобы понять ее намек. Его лицо по-прежнему сияло злорадством.

– Хорошо. Помойся и вечером приходи в общий дом – там тебя будет ждать твой партнер.

– Мой... партнер?

– Ты должна зачать. Для тебя это новость?

– Это новость, потому что я впервые слышу об этом, – холодно отозвалась Рива. – Но хорошо, раз такова воля сообщества. Могу я хотя бы узнать, кто это?

– Один из лучших воинов, защищающих наш город, тебе есть, чем гордиться!

Она не хотела показывать старикашке, что задета, но иначе не получилось: Риве еще не хватало опыта, чтобы оставаться спокойной в любой ситуации. Тувенег заметил страх и удивление, отразившиеся на ее лице, и расхохотался. Он надеялся, что она будет сломлена, и пока все шло именно к этому.

Ей следовало догадаться, конечно... В сообществе ее слишком уважали. Ни один местный мужчина не согласился бы осквернить ее, пусть бы даже его побили камнями. Но всегда

оставались воины – те, кого и так не любили другие люди, кому нечего было терять. Для них станет особой честью унижить ее, забрать себе ее тело, заставить вынашивать их дитя.

А вдруг этот воин – один из тех, кто мучил и убивал ее родителей? От мысли об этом Риве стало так плохо, что она едва устояла на ногах. А Тувенег, довольный произведенным эффектом, покинул ее дом. Она не обратила на это внимания, старикашка больше не имел значения. Рива была раздавлена тем, что ей предстояло пережить.

Ничего хорошего от воинов, входивших в городскую стражу, она не ожидала. Их наверняка развлечет возможность сломить ту, кого другие люди зовут госпожой! Они покажут, что разница между гордой предводительницей людей и страдающей девчонкой не так уж велика. А если они еще знают, кто она, если смотрели на слезы ее матери, если избивали ее отца... Нет, нельзя этого допускать!

Она хотела сбежать. Рива прекрасно знала, что за пределами города мало кто выживает, и раньше это останавливало ее. Но теперь возможность оказаться в руках одного из охранников затмевала все остальное. Рива готова была попытаться... но Тувенег первым сообразил, что так будет. Он ушел, а свою охрану оставил возле ее домика.

Теперь ей некуда было деваться. Если бы она попыталась выйти, ее бы просто зашвырнули обратно в дом. Времена, когда она могла ускользнуть через окно, давно прошли: ее тело стало слишком большим для маленьких круглых окошек человеческих жилищ. Так что она была заперта здесь – как в клетке. Но не беспомощна... Она могла бы все это прекратить.

Раньше она никогда не думала о том, чтобы убить себя. Она знала, что другие люди так делают – когда не могут больше держаться. Но ей самой этого не хотелось, даже в самые тяжелые дни. Да и сейчас она не желала именно смерти – ей просто хотелось хоть как-то лишить Тувенега и его хозяев забавы, не позволить им превратить себя в игрушку!

Она сомневалась недолго и все же отказалась от этой идеи. Причиной был не страх – своего будущего Рива боялась больше, чем смерти. Ее сдерживало скорее чувство вины. Если она исчезнет, исчезнет вся память о ее родителях – и многое другое. Она посвятила свою жизнь изучению всего, что связано с Татененом. Она знала о нем больше, чем все остальные жители сообщества вместе взятые. Она еще могла бы убить себя, но она не имела права просто уничтожить эти знания!

Значит, оставался только один путь: выдержать унижения, выпавшие на ее долю, с возможным достоинством. Стерпеть все без слез и криков... если получится. Отдать им только то, что они могут забрать, и не больше. Рива должна была пережить эту ночь, а потом... Возможно, она не забеременеет и ей удастся сбежать. Но даже если станет совсем трудно, она успеет передать свои знания кому-то другому, а потом только уведет из этого мира и себя, и нерожденное дитя.

Пока же ей нужно было сосредоточиться на выживании. Рива старалась отвлечься, как могла, чтобы ожидание неизбежного не превратилось в пытку. Она подогрела немного воды, развела в ней травяной настой и омыла кожу от пыли, пронизывавшей все улицы. Вытираясь, она еще раз осмотрела свое тело. Нет, настоящей женщиной ее пока назвать нельзя... Она была худой и угловатой, ее фигура округлилась не до конца, груди были совсем скромными, талия такой узкой, что, кажется, любой из воинов ее рукой переломить мог!

Девушки, уже прошедшие первую ночь, предупреждали Риву, что это будет очень больно. Даже с тем партнером, которого они выбирали сами, а уж если кого-то из них желали получить охранники... Просто ужасно! Говорят, они грубые, грязные, воняют, им плевать, сделают они больно или нет... И это с теми девушками, которых они совсем не знают! А Риву они могут знать. Интересно, как был избран партнер для нее? Его назначил Тувенег – или этот охранник сам попросил отдать ее ему? Тувенег сказал, что это уважаемый воин, что-то там сделавший для города... Такому могли преподнести подарок, дать ту девицу, которую он захочет. И вряд ли он случайно предпочел именно Риву, ведь самой большой красавицей Триинсте она не была.

Стараясь не думать об этом, Рива натянула длинное светло-серое платье, завязала на ногах сандалии. Она не надевала украшений, не заплетала волосы, не наносила краску на лицо. Она не собиралась делать себя подарком для своего мучителя. Она готовилась пройти через это, как через пытку, и не более.

В назначенное время стражники постучали в ее дверь. Рива старалась игнорировать их довольные ухмылки и многозначительные взгляды, она вышла на улицу с гордо поднятой головой. Люди, живущие в соседних домах, наверняка знали, к чему ее приговорили. Рива хотела показать им, что она не сломлена.

Она не пыталась сбежать, но охранники все равно следовали за ней по пятам. Они то ли не доверяли ей, то ли хотели насладиться властью над ней до последнего. Однако войти в общий дом они не решились, и это могло указывать, что они боятся того, кому она досталась. Риве это ничего хорошего не сулило.

В общем доме не было окон, только небольшой коридор и один-единственный зал. Да и понятно, почему: чаще всего этот дом использовали для зачатия ребенка парами, которые не живут вместе, и, иногда, родов. В обоих случаях наблюдатели были не нужны. А для Ривы это означало еще и то, что она не сможет сбежать.

Она думала, что увидит своего будущего мучителя сразу, но, когда она вошла, в комнате было пусто. Здесь было чисто и пахло свежими травами, брошенными на пол – скорее всего, в тех местах, где не удалось отмыть кровь после деторождения. В центре зала располагалась большая спальная плита, застеленная плетеными одеялами. Рива опустилась на нее, ожидая назначенного ей партнера. Ей почему-то было холодно – хотя она могла поклясться, что воздух вокруг нее горячий. Тело оставалось напряженным, хотелось плакать, но она сдерживалась из последних сил.

Я – госпожа. Я – дочь своего отца. Ни отец мой, ни мать не плакали перед лицом смерти. Я тоже не заплачу.

Долго ей ждать не пришлось. Очень скоро ее чуткий слух уловил, как открывается дверь, как кто-то проходит коридор. Он отвел в сторону полог, закрывавший путь, и вошел в комнату.

Она никогда прежде не видела этого воина, да и не хотела бы видеть – Рива успела возненавидеть его до того, как узнала. Он был старше ее, намного старше, пожалуй, в два раза. Но если учитывать, что сама Рива лишь недавно перестала быть ребенком, нельзя было назвать этого мужчину стариком. И все же его волосы оказались пепельно-серыми, она еще никогда не видела молодых с седыми волосами. Его кожа была темной и обветренной, а значит, он не просто охранял город, он выполнял задания холини за его пределами. Понятно, как он заслужил их благосклонность и получил живую награду.

Рива поднялась ему навстречу, и стало видно, что он на голову выше нее. Возраст еще не начал обретать над ним власть, его тело оставалось сильным, но кожа над литыми мышцами была испещрена шрамами – как будто за свою не слишком долгую жизнь он успел получить раны по всему телу. Несколько шрамов осталось и на лице – тонкий на щеке, на лбу и один над глазом. Впрочем, эти шрамы не уродовали его, и благодаря светлым глазам и четким линиям бровей, оставшимся, в отличие от волос, черными, он мог бы считаться даже привлекательным – если бы не та роль, которую он для себя выбрал. Как странно... Рива вдруг подумала, что пожелала бы такого мужчину, если бы они встретились при других обстоятельствах, да и он был кем-то другим.

Но к чему рассуждать об этом? Он – предатель, продавший свою честь хозяевам города. Он – подонок, который пожелал получить девушку, не спрашивая ее мнение. Он заслужил всю ту ненависть, которую она испытывала к нему!

Поэтому Рива уверенно посмотрела ему в глаза. Ей оставалось лишь надеяться, что он достаточно умен, чтобы понять ее истинное отношение.

– Давай покончим с этим поскорее, – холодно произнесла она.

Ее голос прозвучал ровно, и Рива могла гордиться собой за это. Она чувствовала нарастающую дрожь и с силой сжала кулаки, чтобы хоть как-то унять ее. Она понимала, что ей будет трудно – он был в два раза больше ее, а шрамы и его безразличный взгляд указывали, что битвы выжгли в нем все человеческое. Но она уже ничего не могла изменить, ей хотелось, чтобы все быстрее закончилось.

Однако воин удивил ее. Он не спешил бросаться на нее и срывать одежду – другие девушки рассказывали, что городская стража ведет себя именно так. Да и сам он не раздевался, продолжая стоять перед ней в потрепанных доспехах из прокаленной кожи. Он как будто ждал от нее чего-то, но Рива понятия не имела, чего. Ласки? Нежности? Если так, то он совсем безумен!

– Вперед! – поторопила его она. – Ты хотел этого, не я. Бери то, что выпросил у своих господ!

– Ты меня не помнишь? – спросил он. Голос звучал непривычно мягко, она никогда не слышала, чтобы охранники так говорили. Риве раньше казалось, что они только и умеют, что орать! – А может, и помнишь, но не узнаешь...

– Нет у меня причин узнавать тебя, мы раньше не встречались!

– Встречались.

– Я не знаю тебя!

– Нет, не знаешь. Но мы встречались.

На плече у него висела небольшая сумка – такие носят с собой многие воины, особенно те, которым дозволено покидать город. Дома у них все равно нет, и все, что им принадлежит, они обычно носят с собой.

Теперь воин потянулся к этой сумке, и Рива невольно напряглась. Она вспомнила рассказы о том, что некоторые охранники любят срезать со своих любовниц одежду – или даже намеренно пускать кровь. Что если и ей достался такой подонок?

Но нет, воин достал из сумки не оружие, а кусок светлой материи и протянул его Риве. Она была так удивлена, что приняла этот странный предмет, не думая. Сначала ей показалось, что это какая-то тряпка – в общем доме было темно. Лишь получив эту вещь, она разглядела, что перед ней маленькая детская накидка, такие в прохладную погоду носили городские девочки.

Такая была и у нее – до одного памятного дня...

– Ты! – пораженно прошептала Рива.

Он улыбнулся – но только уголками губ, еле заметно, как будто и не умел улыбаться по-настоящему. Риве было все равно, она вдруг увидела улыбку в его глазах.

– Я, – кивнул он. – Да, ты не узнала, но помнишь...

Да как она могла его узнать? Они встречались всего один раз, мельком, и тогда он выглядел совершенно по-другому. Кто бы понял, что этот гордый, сильный воин – тот самый окровавленный солдат, которого толпа чуть не растерзала возле склада продуктов? Конечно, Рива не забыла тот случай, и несчастный мужчина, смотревший на нее единственным кровавым взглядом, часто потом снился ей ночами, но в этих снах он всегда казался ей мертвым. Она знала только, что толпа его не убила. Она понятия не имела, что произошло с ним дальше.

Рива понимала, что ей нужно что-то спросить у него, но вопросов почему-то не было. Она приготовилась видеть в этом человеке своего злейшего врага, ей казалось, что он ничем ее не удивит. Но это... что ей делать теперь? Для чего он здесь, чтобы отомстить за былое унижение, которое он пережил, оказавшись у ног маленькой девочки?

Однако он, словно догадавшись о ее мыслях, сделал шаг назад. Он всем своим видом показывал, что не тронет ее.

– Я не обижу тебя, – пообещал он. – Меня зовут Дженвен. Ты знала об этом?

– Я ничего о тебе не знаю, кроме того, что увидела.

– Вот как... Я ожидал этого. Тогда позволь рассказать тебе.

Дженвена с детства готовили к тому, чтобы стать охранником. Он никакого выбора не делал: он оказался среди мальчишек покрепче, которых забирают на обучение, едва те научатся ходить. Он сразу начал делать успехи, отличаясь от своих сверстников силой, быстротой и ловкостью. Он очень быстро получил определенную славу, потому что во время охоты на софр и рии не было воина лучше него.

Его редко посылали охранять город, считалось, что он слишком хорош для этого. Но в тот голодный сезон как раз нужны были хорошие воины. Дженвена и двоих других направили охранять склад, прекрасно зная, что туда будут прорываться люди. Считалось, что демонстрация силы сможет сдержать толпу.

А вышло иначе. Спутники Дженвена просто сбежали, увидев, кто к ним приближается, – позже они заплатили жизнью за свою трусость. Дженвен остался, он никогда не убегал. Но и что делать, он не знал. Ему легко было сражаться с чудовищами, он побеждал таруа и даже холини из другого города, когда шла война. Но никогда еще ему не приходилось драться с обычными людьми.

Поэтому он так и не напал на них. Дженвен пытался поговорить с ними, объяснить, что они ничего не добьются, что он не откроет склад, даже если захочет. Но вместо ответов в него со всех сторон полетели камни, и никакое мастерство воина не могло защитить его от подобной атаки.

Он с изумлением и ужасом понял, что может умереть. Не на поле боя, не в пустыне, не в водах озера, а прямо посреди города, на территории сообщества людей! Дженвен не хотел этого, а изменить ничего не мог, было слишком поздно.

Он мысленно прощался с жизнью, когда рядом с ним вдруг появилась маленькая худенькая девочка – единственная среди людей, кто протянул ему руку помощи.

Рива защитила его и ушла, а он запомнил ее на всю жизнь и поклялся себе, что однажды вернет ей долг. Потом прибыли охранники, забрали его, вылечили. Кого-то другого, может, и казнили бы, но его слишком высоко ценили. Окончательное прощение он завоевал, когда подавил мятеж на улицах таруа.

С тех пор он наблюдал за Ривой, старался узнать любые слухи о ней, но всегда – украдкой. Дженвен прекрасно знал, что она не захочет иметь с ним ничего общего, но он все равно продолжал следить за ней, чтобы при необходимости защитить.

Однажды это действительно понадобилось – ему сообщили, что Риве срочно ищут партнера. Она не ошиблась в своих подозрениях, холини сделали это, чтобы остановить ее на пути к лидерству. Они считали, что роль матери сломает ее или, по крайней мере, посадит на цепь.

Тогда Дженвен и порадовался, что все это время скрывал свой интерес к ней. Если бы кому-то в голову пришло, что он может защитить Риву, его бы в жизни к ней не подпустили. Но он сделал вид, что хочет отомстить ей как раз за тот случай у склада – и ему поверили.

Вот только теперь он покорно стоял перед ней и мстить не собирался. Рива совершенно растерялась, не зная, может она доверять ему или нет. А даже если так, что он изменит своей неожиданной добротой? У него ведь нет настоящей власти, он – просто один из рабов!

– Что ты собираешься делать? – спросила она.

– Подозреваю, что разделить со мной ложе ты не захочешь.

Рива почувствовала себя так, будто ее лицо стало очень горячим. Она не знала, почему, и разозлилась.

– Нет! Если ты возьмешь меня, то только силой!

– Я мог бы, но это противоречит всему, о чем я только что тебе говорил. Поэтому я собираюсь помочь тебе.

– Помочь... мне? Как?

– Ты мне скажи, – развел руками Дженвен. – Я всю свою жизнь верно служил холини, я не знаю, как действовать против их воли. Но про тебя говорят, что ты мудра даже сейчас, в юности. Так подскажи мне, что делать, и я сделаю это!

Она больше не могла стоять тут, ноги сами подогнулись, и Рива совсем не грациозно плюхнулась на спальную плиту. Она сжимала в руках кусок ткани, держалась за него, как за спасение. Можно ли верить солдату? Он ведь и правда всю жизнь воевал с такими, как она! Но если он врет ей, то зачем? Она ведь и так в его власти! Он и холини могут убить ее, пытать, что угодно сделать, никто не посмеет ее защитить. У Дженвена нет никаких причин предлагать ей свою помощь, кроме одной: он действительно хочет помочь.

В жизни Ривы было не так уж много счастливых моментов, поэтому она принимала их с неизменной осторожностью. Но сейчас, глядя в светлые глаза воина, она впервые допустила, что она, может быть, спасется...

– У тебя есть где укрыться? – поинтересовался Дженвен. – Я могу отвести тебя куда угодно... Если ты боишься, что я нападу на твоих друзей, не показывай их мне. Я оставлю тебя, когда скажешь, а ты потом можешь спрятаться в другом месте, и даже я не буду знать, где тебя искать.

А ведь вариант не самый плохой! Да, весь город принадлежит холини – но при этом они не обыщут весь город. Такая вот нестыковка. Это просто невозможно, здесь слишком много укромных уголков, где может спрятаться одинокая девушка. Люди укроют ее, они будут рады такому повороту – тому, что кто-то так нагло нарушил волю холини. Вот только...

– Если ты это сделаешь, тебя убьют, – указала Рива. – Или я чего-то не знаю о законах городской стражи?

– Убьют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.